

На правах рукописи

Кузьминых Александр Леонидович

**СИСТЕМА ВОЕННОГО ПЛЕНА И ИНТЕРНИРОВАНИЯ В СССР:
ГЕНЕЗИС, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, ЛАГЕРНЫЙ ОПЫТ
(1939–1956 гг.)**

07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Архангельск – 2014

Работа выполнена на кафедре отечественной истории Института социально-гуманитарных и политических наук ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова».

Научный консультант:

Голдин Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Официальные оппоненты:

Бердинских Виктор Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»

Старков Борис Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и политологии ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», заслуженный деятель науки Российской Федерации

Хлевнюк Олег Витальевич, доктор исторических наук, главный специалист отдела изучения и публикации документов ФКУ «Государственный архив Российской Федерации»

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Защита диссертации состоится 19 декабря 2014 г. в 12 часов на заседании Диссертационного совета Д 212.008.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, ауд. 1220.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17.

Автореферат разослан ____ сентября 2014 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
доцент

Т.П. Тетеревлёва

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. История человечества – это во многом история войн. Вплоть до настоящего времени война не устранена как способ решения межгосударственных и общественных противоречий. Военные конфликты в различных регионах земного шара приводят к человеческим жертвам среди военнослужащих и мирного населения, сопровождаются актами насилия по отношению к лицам, захваченным в плен. В этой связи особую актуальность приобретает изучение исторического опыта обращения с военнопленными и интернированными.

Вторая мировая война явилась самым масштабным военным конфликтом в истории человечества. Одним из ее последствий, помимо колоссальных материальных и демографических потерь, стало появление значительных масс военнопленных и интернированных, общая численность которых превысила 35 млн чел.¹ Советским Союзом в годы Второй мировой войны были пленены и интернированы свыше 5,5 млн иностранных граждан, из них примерно 4,5 млн чел. помещены в места постоянного или временного размещения.

Для содержания военнопленных и интернированных была сформирована система органов и учреждений в составе Наркомата (Министерства) внутренних дел, объединенная в рамках Управления, затем Главного управления по делам военнопленных и интернированных (УПВ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР). Очевидно, что без изучения истории «архипелага ГУПВИ» невозможно составить всестороннее представление о внешней политике советского государства и его отношении к институту международного права, формировании и функционировании лагерного сектора НКВД-МВД и его роли в развитии советской экономики, положении спецконтингента в военный и послевоенный периоды.

С другой стороны, исследование советского плена и интернирования представляет интерес с учетом «антропологического поворота» современной исторической науки, ее обращения к проблеме выживания человека в условиях военной повседневности. Речь идет о восприятии лагерной действительности, поведенческих реакциях в условиях плена, трансформации ценностных установок, межкультурной коммуникации и реинтеграции военнопленных в послевоенные общества.

После возвращения иностранцев на родину их лагерный опыт стал мощным источником формирования общественного сознания в отношении советской системы. Впечатления и воспоминания о жизни плену, мировоззрении и характере русского народа, оказали и продолжают оказывать существенное влияние на восприятие советского и современного российского государства в Европе и в мире в целом². Коллективная память о советском плене и интерни-

¹ Коначов В.Б. Гриф секретности снят. К истории немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1991. С. 3.

² Здравомыслов А.Г. Немцы о русских накануне нового тысячелетия. М., 2003.

ровании вплоть до настоящего времени является важной частью европейской и мировой культуры¹.

Таким образом, комплексное изучение феномена советского плена и интернирования необходимо для решения ключевых историографических проблем, связанных с историей советского государства и общества эпохи сталинизма, а также воссоздания целостной картины Второй мировой войны, осмысления ее последствий и итогов.

Обращение к проблеме плена и интернирования имеет не только научное, но политическое и гуманитарное значение. Установление мест содержания военнопленных и интернированных, выяснение судеб без вести пропавших, увековечение их памяти является одним из актуальных вопросов в международных отношениях России со странами дальнего и ближнего зарубежья. Формирование исторической памяти на основе изучения опыта плена и интернирования минувшей войны способствует предотвращению военных конфликтов и росту насилия в современном обществе и, самое главное, сохранению жизни, здоровья и человеческого достоинства жертв войны.

Степень разработанности проблемы. Тема диссертации является новой для отечественной историографии. Зарубежные авторы приступили к изучению истории военного плена и интернирования в СССР раньше советских историков. Их научный интерес во многом диктовался практической задачей, а именно необходимостью установления судеб своих соотечественников, умерших или пропавших без вести в советском плену. Среди работ западных исследователей преобладали издания, основанные на мемуарных источниках, повествовавшие о массовой смертности, невыносимом голоде, изнурительном труде и духовных страданиях военнопленных и гражданских лиц в советском плену и заключении. Объективность подобных публикаций, носивших выраженный антисоветский характер, подвергалась сомнению и вызывала обоснованную критику со стороны отечественных историков. Последние, в свою очередь, впадали в другую крайность, отрицая какие бы то ни было факты жестокого обращения советского государства с захваченными в плен военнослужащими и гражданскими лицами противника.

Идеологическая конфронтация эпохи холодной войны, безусловно, негативно отражалась на характере работ, но главной причиной, затруднявшей изучение советского плена и интернирования, была недостаточная репрезентативность источниковой базы исследований. Вплоть до начала 1990-х гг. советские архивы были недоступны не только для зарубежных, но и для советских историков. Открывшийся в эпоху «перестройки» доступ к ранее закрытым архивным фондам позволил исследователям приступить к изучению «архипелага ГУПВИ».

Политика гласности и общественное внимание к «белым пятнам» советской истории, характерные для этого периода, благоприятствовали выходу работ по различным аспектам проблемы военного плена и интернирования в

¹ В качестве примера можно привести роман немецкой писательницы Г. Мюллер «Вдох-Выдох» (нем. Atemschaukel), получивший Нобелевскую премию по литературе в 2009 г. В нем рассказывается история трансильванского немца Л. Ауберга, депортированного в СССР в 1945 г.

СССР. Как правило, это были статьи, очерки и брошюры публицистического характера, сопровождавшиеся публикацией рассекреченных архивных материалов. В них затрагивались такие вопросы, как численность и состав военнопленных и интернированных, их правовое и социально-бытовое положение, участие в восстановлении народного хозяйства, привлечение к судебной ответственности и репатриация. Неоспоримым достижением отечественной и зарубежной историографии стало появление научных исследований по истории формирования и функционирования системы УПВ-ГУПВИ и ее региональных структур.

В историографии оформились два подхода к изучению советского плена и интернирования: формационный и тоталитарный. Сторонники первого подхода (советские и часть российских ученых) считают, что советское правительство строго руководствовалось нормами международных конвенций о военнопленных. В соответствии с подобной установкой пленные обеспечивались всем необходимым: продовольствием, одеждой, обувью, медицинской помощью, имели право переписки и получали с родины продовольственные посылки. Для содержания военнопленных и интернированных была создана система специальных органов и учреждений, невключенная в советскую пенитенциарную систему. Администрация лагерей уделяла большое внимание охране труда и здоровья пленных, организации их отдыха и досуга. Именно благодаря такой заботе и опеке со стороны государства удалось спасти жизнь и вернуть на родину большинство обезоруженных неприятельских военнослужащих.

В свою очередь, сторонники тоталитарного подхода (в основном зарубежные ученые) указывают на репрессивно-карательный характер системы ГУПВИ, которая, по их убеждению, являлась составной частью аппарата принуждения в лице Наркомата (Министерства) внутренних дел. Свидетельство тому – грубые нарушения международного права со стороны СССР, тяжелый принудительный труд на военных объектах и на вредных для здоровья производствах, мучительный голод и неизлечимые болезни, произвол со стороны судебных и внесудебных органов, сопровождавшиеся массовой гибелью военнопленных и интернированных. Систематический характер, по мнению сторонников данного подхода, носили случаи воровства и грубости, бесхозяйственности и некомпетентности со стороны лагерного персонала. Таким образом, согласно тоталитарной концепции, политика уничтожения военнопленных, если не прямо, то косвенно составляла сущность советского плена.

По мнению диссертанта, каждый из указанных подходов не отражает всей сложности и противоречивости того явления, которым являлись советский плен и интернирование. Деятельность системы ГУПВИ, как и ее прототипа ГУЛАГа, необходимо рассматривать в динамике, в контексте общего развития СССР, во взаимосвязи с обстановкой внутри страны и на международной арене. Подобный подход позволит объяснить тот факт, как незначительное по статусу и объему функций ведомство за годы Второй мировой войны превратилось в мощный лагерно-производственный комплекс, игравший значительную роль в социально-экономической и политической жизни страны. Именно такой комплексный подход, направленный на изучение теории, практики и опыта совет-

ского плена и интернирования, впервые в отечественной историографии использует автор диссертационного исследования.

Объектом исследования является система военного плена и интернирования в СССР, **предметом** – ее генезис и функционирование, а также коллективный и индивидуальный лагерный опыт.

Цель исследования состоит в рассмотрении советского плена и интернирования как целостного исторического феномена, выявлении его институциональных и социокультурных особенностей.

Для достижения поставленной цели необходимо решить комплекс **задач**, а именно:

- изучить историографию и источники по теме исследования, разработать методологию изучения советского военного плена и интернирования;
- рассмотреть политико-правовое регулирование режима военного плена и интернирования в СССР;
- проанализировать процесс становления и развития системы военного плена и интернирования в СССР;
- охарактеризовать численность и состав военнопленных и интернированных, организацию их содержания и трудового использования;
- изучить процессы адаптации и индоктринации, репрессивные и коммуникативные практики в условиях советского плена и интернирования.

Хронологические рамки исследования охватывают период с сентября 1939 г. по декабрь 1956 г. Нижняя хронологическая граница связана с началом Второй мировой войны, вводом советских войск на территорию Польши, пленением и интернированием военнослужащих польской армии и созданием органов и учреждений военного плена и интернирования в СССР. Верхняя хронологическая граница исследования определяется завершением репатриации и расформированием последних учреждений для военнопленных и интернированных.

Территориальные рамки охватывают СССР в его довоенных и послевоенных границах. Это обусловлено тем, что военнопленные и интернированные размещались практически во всех регионах Советского Союза, начиная от Калининградской области на западе до Сахалина на востоке, от Мурманска на севере до Ашхабада на юге. В ряде случаев границы исследования выходят за пределы Советского Союза и охватывают территорию стран Восточной и Центральной Европы и Северо-Восточного Китая, где велись боевые действия и дислоцировались советские органы и учреждения военного плена и интернирования.

Теоретико-методологические основы исследования. В процессе подготовки диссертации автор опирался на принципы историзма, объективности, всесторонности, системности и междисциплинарности научного анализа.

В основу диссертации положен *комплексный подход*, в рамках которого интегрируются разные подходы и методы в процессе реконструкции исторической реальности. Из теоретических подходов использовались институциональный, системный и социокультурный; из общенаучных методов: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, абстрагирование, конкретизация; из специаль-

ных: историко-типологический, историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный, историко-культурный; из вспомогательных: сравнительно-правовой, текстологический, статистический.

Под *военным пленом* в диссертации понимается обусловленное состоянием войны временное задержание воюющим государством лиц неприятельской стороны, сопровождаемое ограничением их свободы с целью исключения участия в вооруженной борьбе¹. Режим военного плена накануне Второй мировой войны регулировался Гаагской конвенцией о законах и обычаях ведения сухопутной войны от 18 октября 1907 г. и Женевской конвенцией о содержании военнопленных от 27 июля 1929 г. Право брать в плен, согласно конвенциям, принадлежало исключительно государству в лице его военных органов. Состояние военного плена ограничивалось периодом с момента захвата в плен до момента заключения мира между воюющими сторонами.

Военнопленными, согласно упомянутым конвенциям, считались захваченные во время войны лица, входившие в состав вооруженных сил и непосредственно участвовавшие в военных действиях (т.н. *комбатанты*). Согласно советскому законодательству статус военнопленных получали, во-первых, лица, принадлежащие к вооруженным силам противника; во-вторых, лица, имевшие гражданство воюющего с СССР государства, находившиеся к началу войны на территории СССР². Важно подчеркнуть, что статус военнопленных не распространялся на лиц, которые воевали на стороне противника и имели советское гражданство.

Под *интернированием* (от франц. *interner* – водворять на жительство) понимается принудительное задержание, переселение или иное ограничение свободы, устанавливаемое одной воюющей стороной для находящихся на ее территории граждан другой воюющей стороны или для граждан другой воюющей стороны, находящихся на оккупированной первой воюющей стороной территории, или нейтральным государством – для военнослужащих воюющих сторон, оказавшихся на его территории³.

В период Второй мировой войны Советским Союзом практиковалось интернирование как иностранных военнослужащих, так и гражданского населения противника. Оно осуществлялось не только на собственной территории, но и за ее пределами, т.е. по *экстерриториальному принципу*. В последнем случае интернирование носило характер принудительного выселения по национальному признаку и по своему механизму было аналогично этническим депортациям, широко практиковавшимся сталинским режимом. Основную массу *интернированных* составляли гражданские лица, задержанные в период боевых действий на территории других государств и принудительно вывезенные на территорию Советского Союза.

Термин *система военного плена и интернирования* употребляется в диссертации в двух значениях – широком и узком. В широком – *научно-*

¹ Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 318.

² Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 66, 1012.

³ Военный энциклопедический словарь. С. 635; Дипломатический словарь. В 3-х т. М., 1985. Т. I. С. 406–407; Большая советская энциклопедия. Т. 10. М., 1972. С. 332.

теоретическом – под системой военного плена интернирования понимается совокупность институтов, органов, учреждений, социальных групп и индивидов, связанных между собой отношениями плена и интернирования; в узком – *ведомственном* – система органов и учреждений советского государства, отвечавших за прием, содержание и репатриацию военнопленных и интернированных.

Под *органами военного плена и интернирования* подразумеваются центральный аппарат УПВ-ГУПВИ и его региональные структуры, осуществлявшие функции управления и контроля над деятельностью учреждений для военнопленных и интернированных и в процессе выполнения данных функций взаимодействовавшие с другими государственными органами и учреждениями.

К *учреждениям военного плена и интернирования* относились учреждения, цели и задачи которых заключались в содержании иностранных военнопленных и интернированных. Данные учреждения можно разделить на две группы: фронтовые и тыловые. В категорию *фронтовых учреждений* входили приемные пункты военнопленных (ППВ), сборные пункты военнопленных (СПВ), фронтовые приемно-пересыльные лагеря (ФППЛ). Их главными функциями являлись прием и эвакуация военнопленных и интернированных, поступающих с фронтов.

К *тыловым учреждениям* относились стационарные лагеря для военнопленных и интернированных, специальные лагеря для военнослужащих РККА, вышедших из плена и окружения, рабочие батальоны, специальные госпитали, антифашистские школы и курсы, а также спецобъекты. Основной функцией стационарных (производственных) лагерей и рабочих батальонов было трудовое использование военнопленных и интернированных, спецгоспиталей – медико-санитарное обслуживание и восстановление трудоспособности контингента, антифашистских школ и курсов – политическая работа с пленными, спецобъектов – оперативные мероприятия с офицерами и генералами противника, а также иностранными специалистами.

По объективным причинам, к которым относится второстепенная роль учреждений для интернированных в системе УПВ-ГУПВИ, их незначительный удельный вес в лагерном контингенте, а также ограниченность источниковой базы, основное внимание в диссертации уделяется проблематике военного плена.

Источниковая база диссертации представлена комплексом неопубликованных и опубликованных документов, раскрывающих историю советского военного плена и интернирования.

Диссертантом изучены документы из 70 фондов 17 российских и зарубежных архивов: Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации, Государственного архива МВД Украины, архива Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Архангельской области, архива Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области, архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Вологодской области, Госу-

дарственного архива Архангельской области, Государственного архива Вологодской области, Государственного архива современной истории Чувашской Республики, Государственного исторического архива Чувашской республики, Государственного архива Карагандинской области (Казахстан), Центрального государственного архива общественных объединений Украины, Отдела документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области, Вологодского областного архива новейшей политической истории, Пермского государственного архива новейшей истории, Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

Обширный корпус архивных материалов по истории советского военного плена и интернирования опубликован в документальных сериях «Русский архив. Великая Отечественная» (под ред. В.А. Золотарева), «Военнопленные в СССР» (под ред. М.М. Загорулько) и «Россия. XX век» (под ред. А.Н. Яковлева)¹. В ходе работы над диссертацией использовались документальные сборники по истории ГУЛАГа², органов внутренних дел и государственной безопасности³, а также по истории советской повседневности в военный и послевоенный период⁴. Широко привлекались и другие виды источников, в частности, международные правовые акты, периодическая печать. Помимо материалов официального происхождения, использовался комплекс документов личного проис-

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР / под ред. В.А. Золотарева. Т. 24 (13–1): нормативные документы. М., 1996; Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941–1955 гг. / под ред. В.А. Золотарева. Т. 24 (13–2). Кн. 1. М., 1999; Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941–1955 гг. / под ред. В.А. Золотарева. Т. 24 (13–3). Кн. 2. М., 2002; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / под ред. М.М. Загорулько. М., 2000; Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952: отчетно-информационные документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР» / под ред. М.М. Загорулько. Т. 4. Волгоград, 2004; Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954: документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР» / под ред. М.М. Загорулько. Т. 2. Волгоград, 2003; Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД. 1941–1951: отчетно-информационные документы. Серия «Военнопленные в СССР» / под ред. М.М. Загорулько. Т. 5. Кн. 1. Волгоград, 2005; Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД. 1941–1951: отчетно-информационные документы. Серия «Военнопленные в СССР» / под ред. М.М. Загорулько. Т. 5. Кн. 2. Волгоград, 2006; Катюнь: пленники необъявленной войны. Документы и материалы / под ред. Р. Пихои, А. Гейштора. М., 1999; Катюнь. Март 1940 – сентябрь 2000. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катюни. Документы / отв. сост. Н.С. Лебедева. М., 2001.

² ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов в 7-ми томах: Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. М., 2004; Т. 2. Карательная система: структура и кадры / отв. ред. Н. Петров. М., 2004; Т. 3. Экономика Гулага / отв. ред. О.В. Хлевнюк. М., 2004; Т. 4. Население Гулага: численность и условия содержания / отв. ред. А.Б. Безбородов и В.М. Хрусталева. М., 2004; Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. Т.В. Царевская-Дякина. М., 2004; Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных / отв. ред. В.А. Козлов. М., 2004; Т. 7. История советской репрессивно-карательной политики и пенитенциарной системы в материалах Государственного архива Российской Федерации: аннотированный указатель дел / отв. ред. В.А. Козлов, С.В. Мироненко. М., 2005; Сталинские депортации. 1928–1953 / сост. П.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005; Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / сост. А.Н. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М., 2005.

³ Аппарат НКВД-МГБ в Германии. 1945–1953: сборник документов / ред. и сост. Н.В. Петров, Я. Фойтчик. М., 2009; Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003; Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУРК «Смерш». 1939–1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2006; Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. I–II. М., 1995–2002.

⁴ Советская жизнь. 1945–1953 / сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. М., 2003; Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945 / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2003.

хождения, представленный воспоминаниями, письмами и рисунками военнопленных и интернированных, а также материалами «устной истории».

Научная новизна диссертации заключается в том, что она является первым научным исследованием, в котором на междисциплинарной методологической основе и обширном корпусе источников комплексно исследованы генезис и функционирование системы военного плена и интернирования в СССР, а также коллективный и индивидуальный лагерный опыт. Диссертантом впервые:

- раскрыто понятие «система военного плена и интернирования»;
- проведен компаративный анализ международного и советского законодательства в области военного плена и интернирования;
- изучен процесс формирования и функционирования системы УПВ-ГУПВИ в сравнении с системой ГУЛАГа;
- проанализированы численность, положение и трудовое использование военнопленных и интернированных на основе сопоставления с другими категориями спецконтингента НКВД-МВД;
- рассмотрены проблемы адаптации, индоктринации, репрессий и коммуникации в условиях советского плена и интернирования, а также процесс реинтеграции репатриантов в послевоенные общества.

Таким образом, диссертация представляет комплексное исследование, вносящее существенный вклад в изучение истории советского плена и интернирования Второй мировой войны.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Политика советского государства в области военного плена диктовалась классовым подходом и принципом пролетарского интернационализма. В годы Великой Отечественной войны классово-идеологический подход уступил место прагматичному подходу в вопросах обращения с военнопленными и интернированными. Советское руководство рассматривало «узников войны» как рабочую силу и инструмент политического влияния на зарубежные страны.

2. В условиях тоталитарного режима институт военного плена и интернирования в СССР приобретал черты репрессивно-карательного института. По своему организационному устройству система УПВ-ГУПВИ во многом копировала систему ГУЛАГа. Схожими были принципы формирования лагерной инфраструктуры, организации режима и охраны, труда и быта, политической и оперативно-следственной работы.

3. Военнопленные являлись привилегированной группой спецконтингента НКВД-МВД, так как в обращении с ними советское руководство ориентировалось на нормы международного права, закрепленные во внутреннем законодательстве. В худшем положении находились интернированные гражданские лица, правовой статус которых не был четко прописан в международных и внутренних нормативных актах. Положение и тех, и других усугубляли суровые природно-климатические условия, низкий уровень жизни и правовой культуры советского общества, а также крайняя ограниченность материальных ресурсов, которые могло предоставить разоренное войной советское государство.

4. Труд военнопленных и интернированных, как и заключенных ГУЛАГа, использовался практически во всех сферах народного хозяйства, при этом при-

оритет отдавался угледобыче, строительству, тяжелой индустрии. Принудительный характер труда обуславливал низкую рентабельность лагерей УПВ-ГУПВИ, которые существовали за счет дотаций со стороны государства. В результате интенсивной трудовой эксплуатации «рабсила» быстро теряла трудоспособность и пополняла нетрудовой фонд, который освобождался из лагерей и отправлялся на родину.

5. Военнопленные и интернированные подвергались идеологической обработке, направленной на формирование коммунистического мировоззрения. Из числа пленных рекрутировался антифашистский актив, комплектовались национальные воинские части, готовились руководящие кадры для стран социалистического лагеря. Эффективность пропаганды снижалась из-за несоответствия теории и практики социалистического строительства.

6. Среди военнопленных и интернированных проводилась агентурно-оперативная работа по вербовке внутрилагерной и закордонной агентуры, разоблачению участников зверств и злодеяний на оккупированной территории СССР, сотрудников вражеских разведорганов, пресечению диверсионных и вредительских актов, выявлению квалифицированных специалистов в целях их использования в интересах СССР. На ее результаты негативное влияние оказывали недостаточный профессионализм оперативных работников, формальное отношение к проведению следственных мероприятий, нехватка квалифицированных переводчиков.

7. Советский плен и интернирование стали негативным социальным и личностным опытом для иностранных военнопленных и гражданских лиц, так как приводили к деформации личности и формированию антисоциальных форм поведения. С другой стороны, плен и интернирование, как выход из войны, становились своеобразной точкой восприятия и взаимопознания между цивилизациями и народами, разделенными Второй мировой войной.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что автором разработана и апробирована методология изучения советской системы военного плена и интернирования посредством комплексного междисциплинарного подхода, что позволило рассмотреть ее не только как совокупность органов и учреждений, но исследовать советский плен и интернирование «извне», с позиций международного и советского права, и «изнутри», с позиции существования лагерного социума и поведения человека в условиях плена, а, в конечном итоге, выработать всестороннее, объективное, научное знание об истории советского военного плена и интернирования Второй мировой войны.

Автор обобщил опыт отечественной и зарубежной историографии, ввел в научный оборот новый комплекс архивных документов по изучаемой проблеме, сформировав тем самым предпосылки для дальнейшего научного поиска. Теоретический интерес представляет попытка синтеза институционального, системного и социокультурного подходов в рамках единого исследования, а также использование компаративного подхода, что позволило сравнить систему ГУПВИ с системой ГУЛАГа, сопоставить положение военнопленных и интернированных с положением других категорий спецконтингента, а также

выяснить соответствие лагерной практики международному праву и внутреннему законодательству.

На основании широкого круга источников подробно рассмотрены вопросы правового статуса военнопленных и интернированных, их численности и состава, условий размещения, организации охраны и режима, продовольственного и вещевого обеспечения, медицинского обслуживания и трудового использования, политической и оперативной работы, взаимоотношений с лагерным персоналом и советским населением. Это позволило воссоздать детальную и многогранную картину советского плена и интернирования Второй мировой войны.

Таким образом, диссертантом решена крупная научная проблема, имеющая важное социальное и культурное значение, которая заключается в раскрытии советского плена и интернирования как целостного исторического феномена, выявлении его институциональных и социокультурных особенностей.

Практическая значимость диссертации. Положения и выводы, изложенные в диссертации, могут быть использованы специалистами в области международного права при выработке научно обоснованных подходов к вопросу обращения с жертвами военных конфликтов, сотрудниками правоохранительных органов и вооруженных сил в целях повышения эффективности практической деятельности в ходе специальных и миротворческих операций, а также военными психологами и врачами для разработки методики социально-психологической реабилитации лиц, освобожденных из плена.

Изучение исторического опыта деятельности органов и учреждений военного плена и интернирования представляет интерес в плане выяснения причин, способствующих нарушению прав человека в местах лишения свободы. Содержащийся в диссертации фактический материал целесообразно использовать при подготовке обобщающих научных трудов по новейшей истории, истории Второй мировой войны, истории отечественных органов внутренних дел, государственной безопасности и уголовно-исполнительной системы.

Результаты диссертационного исследования внедрены в образовательный процесс вузов Федеральной службы исполнения наказаний, практическую деятельность УФСИН России по Вологодской и Ярославской области, а также применяются в практической деятельности международного общества «Русский плен», в частности в оказании помощи иностранным гражданам в розыске мест содержания и погребения их родственников, умерших в плену.

Материалы диссертации использовались при подготовке выставок о судьбах военнопленных Второй мировой войны: «Трагедия плена» (Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник), «Холод, голод, тоска по родине» (музей г. Санкт-Галлена, Швейцария).

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации представлены в 125 научных публикациях общим объемом 178 печатных листов, в том числе в 6 монографиях (из них 4 в соавторстве) и 29 публикациях в рецензируемых научных изданиях перечня ВАК Министерства образования и науки РФ (из них 7 в соавторстве).

Рецензии на монографии диссертанта опубликованы на страницах ведущих российских и зарубежных научных журналов: «Вопросы истории», «Военно-исторический журнал», «Отечественная история», «Jahrbucher für Geschichte Osteuropas»¹. Постановлением Президиума Российской академии наук от 22 января 2008 г. монография «Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР» признана победителем Всероссийского конкурса научных работ молодых ученых в номинации «История», а автор удостоен медали РАН.

Основные положения исследования изложены на 70 научных конференциях и симпозиумах, в том числе 20 международных: «Україна і Польща в горнілі Другої світової війни» (Украина, Киев, 2005), «Европа во Второй мировой войне: история, уроки, современность» (Белоруссия, Витебск, 2005), «СССР, его союзники и противники во Второй мировой войне: политический дискурс, историографические дискуссии, проблемы преподавания» (Москва, 2010), «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР» (Краснодар, 2012–2013), «Россия и Германия: взаимодействие языков и культур» (Череповец, 2013), «Уголовная и уголовно-исполнительная политика в России и за рубежом» (Вологда, 2013) и др.

Концепция и теоретико-методологические основы диссертации обсуждены на заседаниях кафедр: отечественной истории Поморского государственного

¹ Исупов П.П. Рец. на кн.: Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда, 2002 // Отечественная история. 2003. № 3. С. 167–168; Крупенников А.А. Серьезное исследование о военнопленных вермахта в СССР // Военно-исторический журнал. 2003. № 3. С. 78; Филитов А.М. Рец. на кн.: Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда, 2002 // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 162–163; Ерин М.Е. Российские и немецкие историки о судьбе военнопленных в СССР // Проблемы новой и новейшей истории: сб. науч. тр. Вып. 4. Ярославль, 2002. С. 3–19; Букин С.С., Долголюк А.А. Рец. на кн.: Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда, 2002 // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 2. С. 102–103; Петров П.В. Рец. на кн.: Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1956). Вологда, 2002 // Новый Часовой. 2004. № 15–16. С. 463–466; Фролов М.И. Рец. на кн.: Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1956). Вологда, 2002 // Военно-исторический журнал. 2004. № 10. С. 65; Karner S. [Konasov V.B., Kuz'minych A.L. Nemeckie voennoplennye v SSSR: istoriografija, bibliografija, spravocno-ponjatijnyi apparat [Deutsche Kriegsgefangene in der UdSSR: Historiografie, Bibliografie, Begriffserklaerungs- und Nachschlageteil] / Vologodskij institut razvitija obrazovanija. Vologda, 2002] // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Band 53 (2005). H. 3. S. 456–458; Всеволодов В.А. Рец. на кн.: Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР. Вологда, 2005 // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 170–172; Конасов В.Б. Рец. на кн.: Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР. Вологда, 2005 // Военно-исторический журнал. 2007. № 12. С. 68; Materski, Wojciech. [Aleksandr Leonidowicz Kuzminych, Siergiej Igoriewicz Starostin, Anatolij Borisowicz Syczow, "Tiepier" ja przybyl na kraj swieta...], t. I: Iz istorii uczriezdenij dla sodierzaniya inostrannykh wojennoplennykh i internirovannykh w Wologodskoj oblasti (1939–1949 gg.). Oczerki i dokumenty, t. II: Inostrannje wojennoplennye i internirovannyie, umierszyje w Wologodskoj oblasti w 1943–1949 gg., izd. 2-je, isprawlennoje i dopolniennoje, Wologda 2009, ss. 504, 440] // Dzieje najnowsze. Rocznik XLII / Polska academia nauk. Instytut historii. Warszawa, 2010. № 4. S. 174–180; Веремьев В.И. «Теперь я прибыл на край света...» [Рец. на кн.: Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...»: Т. 1: Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных Вологодской области (1939–1949): очерки и документы. Вологда, 2009. 504 с.; Т. 2: Иностранцы военнопленные и интернированные, умершие в Вологодской области в 1943–1949 гг. Вологда, 2009. 440 с.] // Новый Часовой: русский военно-исторический журнал. СПб., 2010. № 19–20. С. 392–393; Белова Н.А. Рец. на монографию «Органы и учреждения военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР (1939–1956 гг.)» кандидата исторических наук, доцента А.Л. Кузьминых // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 4 (24). С. 99–100.

университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск, 2009–2010 гг.), Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск, 2011–2014 гг.). Результаты исследования представлены на международных летних школах стипендиатов Фонда имени Генриха Бёлля (Москва, 2004 г.) и Фонда Карнеги (Ялта, 2009 г.), коллоквиуме стипендиатов Германского исторического института (Москва, 2011 г.), школе молодых историков в Институте российской истории РАН (Москва, 2011 г.), российско-французской школе «Сталинизм в работах молодых исследователей: новые источники, новые подходы» (Смоленск, 2012 г.), российско-германской школе «Государство, общество и личность: уроки прошлого, конструирование будущего в работах молодых исследователей: новые источники, новые подходы» (Пермь, 2013 г.).

Работа над диссертацией осуществлялась при поддержке Германского исторического института в Москве и Российского гуманитарного научного фонда.

Структура диссертации включает введение, пять глав, заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **«Введении»** раскрыты актуальность и степень изучения темы, цель и задачи исследования, хронологические и территориальные рамки, методологические основы и источниковая база, научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

В первой главе **«Историография, методология и источниковедение проблемы советского военного плена и интернирования Второй мировой войны»** охарактеризованы периоды и ключевые проблемы историографии советского военного плена и интернирования, изложены теоретико-методологические основы диссертации, осуществлен источниковедческий анализ корпуса документов по теме исследования.

В советский период объективное и всестороннее исследование проблемы затрудняло отсутствие доступа к документам УПВ-ГУПВИ, что вынуждало исследователей обращаться к другим видам исторических источников – мемуарам и периодической печати. Теоретико-методологической основой советской историографии являлся *формационный (классовый) подход*. В соответствии с ним история военного плена рассматривалась в контексте истории антигитлеровского движения Сопротивления, которое, по мнению советских историков, направлялось компартиями европейских стран. Наиболее активно разрабатывалась история создания и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» – антифашистской организации из числа немецких военнопленных и политэмигрантов¹. Советские историки обосновывали тезис о гуманном характере обращения с военнопленными, противопоставляя идеализированный образ советского государства нацистской Германии.

¹ Бланк А.С. Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов. 1943–1945. Вологда, 1963; Гинцберг Л.И. Борьба немецких патриотов против фашизма (1939–1945). М., 1987; Шишов Н.И. В борьбе с фашизмом (Интернациональная помощь СССР народам европейских стран. 1941–1945 гг.). М., 1984.

В зарубежной историографии в 1950–1980-е гг. изучение истории советского военного плена и интернирования осуществлялось в рамках нескольких научно-теоретических направлений. Доминирующей среди них была *концепция тоталитаризма*. По мнению западных исследователей, тоталитарная политическая система, наряду с суровым климатом, необозримым пространством страны, иным менталитетом населения и сложным для понимания языком, делали советский плен тяжелым переживанием, а ощущение несвободы еще отчетливее в сознании пленников¹. На основе обработки обширного эмпирического материала, прежде всего данных опросов репатриантов, создаются коллективные труды, выполненные в рамках социальной истории². Наконец, появляются работы, написанные в русле социокультурного подхода, обращенные к исследованию проблемы пребывания человека в плену³.

Постсоветский период историографии стал «прорывом» в изучении истории военного плена и интернирования в СССР. Исследователи получают возможность знакомиться с ранее недоступными архивными документами, публиковать совместные труды, обмениваться научными идеями на конференциях и симпозиумах. Изучение истории военного плена и интернирования смещается в русло плюралистического подхода, происходит сближение оценок отечественной и зарубежной историографии.

Значительный вклад в изучение истории советского военного плена и интернирования Второй мировой войны внесли И.В. Безбородова, В.А. Всеволодов, В.П. Галицкий, А.Е. Епифанов, Е.Л. Катасонова, В.Б. Конасов, С.И. Кузнецов, Н.С. Лебедева, П.М. Полян, А.Б. Попов, С.Г. Сидоров⁴. Историю «архипелага ГУПВИ» также активно разрабатывали С.С. Букин, И.В. Власова, А.Э. Гурьянов, С.В. Карасев, А.А. Крупенников, В.П. Мотревич, А.С. Смыкалин, Н.В. Суржикова, Б.Л. Хавкин, Е.М. Цунаева и другие исследователи⁵.

¹ Carrell P., Böddeker G. Die Gefangenen. Leben und Überleben deutscher Soldaten hinter Stacheldraht. Frankfurt–Berlin–Wien, 1980.

² Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges (Bd. 1–15). München, 1962–1974.

³ Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. München, 1986.

⁴ Безбородова И.В. Иностранцы военнопленные и интернированные в СССР: из истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД в послевоенный период // Отечественная история. 1997. № 5. С. 165–173; она же. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939–1953): дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; Всеволодов В.А. Срок хранения – постоянно. Краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД-МВД СССР № 27. М., 2003; Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М., 1997; Епифанов А.Е. Сталинградский плен 1942–1945 гг. М., 1999; Катасонова Е.Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М., 2003; Конасов В.Б. Место и роль Управления по делам военнопленных и интернированных в пенитенциарной системе советского государства: 1939–1953 гг. // Отечественная история. 2005. № 6. С. 128–132; он же. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда, 1996; Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск, 1997; Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. М., 1996; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Попов А.Б. Пленные большой войны: иностранные военнопленные в СССР в 1941–1945 гг. Ростов-на-Дону, 2000; Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР в 1939–1956 гг. Волгоград, 2001.

⁵ Букин С.С. В чужой земле. Новосибирск, 2000; Власова И.В. Работа с военнопленными в тыловых районах советских фронтов в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; Карасев С.В. История плена: советско-японская война и ее последствия (1945–1956 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2007; Крупенников А.А. Тяжкая ноша плена. М., 2001; Мотревич В.П. Иностранцы военнопленные Великой Отечественной войны на Урале: численность, состав, размещение // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 6. С. 77–86; Репрессии против поляков и польских граждан. Серия: Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М., 1997; Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екате-

В российской историографии оформляется ряд научных направлений в изучении данной темы.

Политическое направление исследует дипломатический и военно-политический аспекты истории военного плена¹, юридическое – правовой статус и режим содержания военнопленных и интернированных в СССР, а также проблему их привлечения к судебной ответственности², социально-демографическое – статистические аспекты военного плена и интернирования, а также вопросы жизнеобеспечения (продовольственное снабжение, медицинское обслуживание и т.п.)³, экономическое – труд военнопленных и интернированных как фактор развития и восстановления советской экономики⁴, социокультурное – психологию военнопленных и практики выживания в условиях плена, проблему восприятия СССР и лагерного мира иностранцами и процесс реинтеграции репатриантов в послевоенные общества⁵, биографическое – судь-

ринбург, 1997; Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). М., 2010; Хавкин Б.Л. Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература // Проблемы военного плена: история и современность: материалы международной научно-практической конференции. В 2-х ч. Вологда, 1997. Ч. 2. С. 3–13; Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011; Цунаева Е.М. Учреждения военного плена НКВД-МВД СССР (1939–1953 гг.). Волгоград, 2010; Шевченко В.В. Деятельность спецлагерей в Советском Союзе в 1941–1946 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010; Щеров И.П. Военнопленные Второй мировой войны. Смоленск, 2005.

¹ Бичехвост А.Ф. Репатриация советских и иностранных граждан: внутривосточные и международные аспекты (1944–1953 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1996; Всеволодов В.А. Ступайте с миром: к истории репатриации немецких военнопленных из СССР (1945–1958 гг.). М., 2010; Конасов В.Б. Политика советского государства в отношении немецких военнопленных (1941–1956 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998; Катасонова Е.Л. Решение гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношениях СССР (РФ) и Японии (1945–2003 гг.). Исторический аспект: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.

² Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1956 гг. Волгоград, 2005; он же. История и правовое положение военнопленных вермахта в Сталинграде. 1942–1956 гг. Волгоград, 2007; Смыкалин А.С. Правовой статус и особенности содержания немецких военнопленных в СССР в 1942–1956 гг.: по материалам Свердловской области // Правоведение. 2001. № 1. С. 209–216.

³ Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 39–46; Всеволодов В.А. «Арифметика» и «алгебра» учета военнопленных и интернированных в системе УПВИ НКВД-МВД СССР в период 1939–1956 гг. // Трагедия войны – трагедия плена: сборник материалов Международной научно-практической конференции. М., 1999. С. 24–58; Колеров М. Правда «сталинградского плена» // Родина. 2008. № 4. С. 22–27; Конасов В.Б. К дискуссии о численности немецких военнопленных в СССР // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы Всероссийской научной конференции. Вологда, 1995. С. 41–43.

⁴ Бикметов Р.С. Использование спецконтингента в создании и наращивании экономического потенциала Кузбасса в конце 1920-х – второй половине 1950-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2011; Букин С.С. Немецкие военнопленные на советских предприятиях // ЭКО. 1999. № 1. С. 132–142; Колеров М. Военнопленные на стройках коммунизма: по материалам «Особой папки» Л.П. Берии (1946–1950 гг.) // Родина. 1997. № 9. С. 79–83; Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР в 1939–1956 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2001.

⁵ Всеволодов В.А. Интеграция бывших военнопленных в послевоенном обществе: постановка проблемы // Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Немецкие военнопленные в СССР. Материалы международного научного семинара. Вологда, 2005. С. 22–25; Галицкий В.П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 48–63; Коротаев В.И. Проблема выживания в лагерях военнопленных (на примере лагеря № 211) // Власть и общество в условиях диктатуры. Исторический опыт СССР и ГДР. 1945–1965. Материалы научно-практической конференции / сост. Р.Ю. Болдырев. Архангельск, 2009. С. 137–154; Суржикова Н.В. «Мы были в шоке»: советский плен и интернирование как стресс аккультурации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 3. С. 132–143; она же. Российский и советский плен как пространство неформальной коммуникации (по материалам Среднего Урала) // Российская история. 2011. № 4. С. 53–63.

бы военнопленных и интернированных¹, региональное – функционирование территориальных структур и учреждений УПВ-ГУПВИ, специфику положения и трудового использования «узников войны» в отдельных регионах СССР².

История пребывания иностранных военнопленных и интернированных Второй мировой войны в СССР активно изучается на территории других государств постсоветского пространства³. Из работ белорусских и украинских исследователей, вышедших в последние годы, следует особо отметить монографии А.В. Потыльчака, А.В. Шаркова, А.С. Чайковского⁴. Как правило, данные работы раскрывают деятельность органов и учреждений военного плена и интернирования на материалах бывших советских республик.

Возможность работы в российских архивах способствовала активизации научного поиска зарубежных ученых. Значимым событием стал выход монографии австрийского историка С. Карнера «Архипелаг ГУПВИ: военный плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956»⁵, который первым из зарубежных ученых исследовал корпус документации ГУПВИ. На базе Института им. Л. Больцмана, возглавляемого Карнером, была издана серия научных трудов по истории пребывания в советском плену австрийских граждан⁶. Интерни-

¹ Безбородова И.В. Военнопленные Второй мировой войны: генералы вермахта в плену. М., 1998; Марковчин В.В. Фельдмаршал Паулюс: от Гитлера к Сталину. М., 2000; Reschin L. General zwischen den Fronten. Walter von Seydlitz in sowjetischer Gefangenschaft und Haft 1943–1955. Berlin, 1995.

² Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956). Владивосток, 2002; Букин С.С. Военнопленные в Новосибирске. Новосибирск, 2005; Веригин С., Лайдинен Э., Кямряйнен Ю. Заложники Зимней войны (Интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период Зимней войны 1939–1940 годов). Йюэнуу; Суомуссалми; Петрозаводск, 2004; Вавулинская Л.И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск, 2013; Маркдорф Н.М. Иностранцы военнопленные и интернированные в Западной Сибири: 1943–1956 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012; Суржикова Н.В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург, 2006; Ходяков М.В. Создание сети лагерей НКВД СССР для иностранных военнопленных на территории Эстонии в 1944–1945 гг. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 14. С. 203–213; Чухин И. Интернированная юность. История 517-го лагеря интернированных немцев НКВД СССР. М.–Петрозаводск, 1995.

³ Алексеева-Процюк Д.О. Використання праці іноземних військовополонених та інтернованих на території України (1939–1953): нормативно-правові та організаційні засади. Київ, 2011; Кокебаева Г.К. Официальная политика Германии и СССР по проблеме военнопленных (1918–1955 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алматы, 2007; Левикін В.В. Німецьки військовополонені в радянських таборах: гуманітарний аспект (1941–1955 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2008; Михеева Л.В. Иностранцы военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (1941 – начало 50-х гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007; Сергийчук В. Новітня каторга. Військовополонені та інтерновані Другої світової в УРСР. Київ, 2001.

⁴ Потыльчак О.В. Радянський військовий полон та інтернування в Україні (1939–1954). Київ, 2004; Потыльчак О.В., Карпов В., Такеучі Т. Таємниці «західного інтернування»: японці в радянських таборах для військовополонених в Українській РСР (1946–1949 рр.). Київ, 2011; Чайковский А.С. Плен. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные на Украине 1939–1953 гг.). Киев, 2005; Шарков А.В. Архипелаг ГУПВИ на территории Беларуси. 1944–1954 гг. Минск, 2003.

⁵ Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1945. Wien – München, 1995; Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941–1956. М., 2002.

⁶ Dornik W., Hess M., Knoll H. Burgenländische Kriegsgefangene und Zivilverurteilte in der Sowjetunion 1941–1956. Eisenstadt, 2007; Schneider F. Oberösterreicher in sowjetischer Kriegsgefangenschaft 1941 bis 1956. Graz, 2004; Gollmann S. Kärntner in sowjetischer Kriegsgefangenschaft während und nach dem Zweiten Weltkrieg. Graz, 1999; Engelke E. Niederösterreicher in sowjetischer Kriegsgefangenschaft während und nach dem Zweiten Weltkrieg. Graz, 1998.

рование немецкого населения из Восточной Европы в СССР исследовали Ф. Клиер, Г. Митцка, И. Шмидт, Д. Хендэль¹.

Биографическое направление в зарубежной историографии представлено многотомным «Индексом репрессированных», выпускаемым польским центром «КАРТА» совместно с международным обществом «Мемориал». В ряде томов представлены биограммы на польских военнопленных, расстрелянных в Катynie, Харькове и Твери, а также на интернированных польских граждан, содержащихся в лагерях НКВД-МВД².

Пребыванию немецких, финских и итальянских военнопленных в СССР посвятили свои монографии А. Хильгер, Э. Шерстяной, Д. Фролов, М. Джусты³. Традиционным направлением западной историографии остается изучение социально-психологических аспектов лагерной повседневности на основе мемуаров и материалов «устной истории». Наиболее показательным в этом отношении является исследование швейцарского историка Р. Дэлера «Японские и немецкие военнопленные в Советском Союзе. 1945–1956 гг. Сравнение воспоминаний о пережитом»⁴.

Помимо исторической компаративистики определенное влияние на зарубежную историографию военного плена продолжает оказывать тоталитарная парадигма изучения прошлого. Наиболее полное обоснование эти взгляды нашли в книге немецкого историка И. Хоффмана «Сталинская война на уничтожение»⁵, по мнению которого Советским Союзом в годы Второй мировой войны осуществлялось целенаправленное истребление захваченных в плен немецких военнослужащих и гражданского населения. В целом, несмотря на попытки реанимации тоталитарного подхода, западные ученые предпочитают работать в русле социальной истории. Преимущественное внимание уделяется изучению поведенческих и психологических реакций в условиях плена, раскрытию особенностей существования лагерного социума, процессу ресоциализации репатриантов после возвращения на родину.

Сравнительный анализ содержания российских и зарубежных работ позволяет выявить их принципиальные отличия. Если отечественные историки абсолютизируют официальные отчетно-статистические документы НКВД-МВД, то их иностранные коллеги относятся к этим сведениям с большой осторожно-

¹ Klier F. Verschleppt ans Ende der Welt. Schicksale deutscher Frauen in sowjetischen Arbeitslagern. Berlin–Frankfurt, 1996; Mitzka H. Zur Geschichte der Massendeportation von Ostdeutschen in die Sowjetunion im Jahre 1945. Einhausen, 1998; Schmidt I. Unfreiwillige Reise nach Sibirien: Jugenderinnerungen einer alten Frau. Berlin–Brandenburg, 2005; Hendel D. Die Deportationen deutscher Frauen und Mädchen in die Sowjetunion 1944–1945. Berlin, 2008.

² Indeks represjonowanych. T. I: Rozstrzelani w Katyniu. Warszawa, 1995; T. II: Rozstrzelani w Charkowie. Warszawa, 1996; T. III: Rozstrzelani w Twerze. Warszawa, 1997; T. V: Jeńcy w Gрязовцу i Suzdalu. Warszawa, 1998; T. VII: Uwiezieni w Stalinogorsku. Warszawa, 1999; T. XI: Jeńcy w Juży. Warszawa, 2000; T. XIII: Uwiezieni w Ostaszkowie i Riazaniu. Warszawa, 2002.

³ Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. Essen, 2000; Scherstjanoi E. Wege in die Kriegsgefangenschaft. Erinnerungen und Erfahrungen deutscher Soldaten. Berlin, 2010; Фролов Д.Д. Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. Хельсинки-СПб., 2009; Джусты М.Т. Итальянские военнопленные в СССР. 1941–1954. СПб., 2010.

⁴ Dähler R. Die Japanischen und die Deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. 1945–1956. Vergleich von Erlebnisberichten. Zürich, 2007.

⁵ Hoffmann Y. Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. München, 1996; Гофман И. Сталинская война на уничтожение (1941–1945 годы). Планирование, осуществление, документы. М., 2006.

стью, отдавая предпочтение материалам «устной истории» и мемуаристике. Это во многом предопределяет тональность исследований, различия в ключевых выводах и обобщениях.

Далее раскрываются теоретико-методологические основы диссертации. Особенностью авторской концепции является использование *комплексного подхода*, ориентированного на построение междисциплинарной картины объекта посредством синтеза нескольких разных предметов изучения относительно одного и того же объекта. В отличие от традиционного структурно-функционального подхода, он способен воспроизвести сложный, динамично развивающийся объект целиком, конкретно-исторически, во всем многообразии его реальных форм и взаимодействии с другими объектами как «полисистемный комплекс»¹.

По мнению диссертанта, военный плен и интернирование, как сложные социальные феномены, включают следующие элементы: 1) комплекс правовых и культурных норм, политических и идеологических установок, регламентирующих обращение с военнопленными и интернированными; 2) систему органов и учреждений, обеспечивающих реализацию этих норм и предписаний; 3) лагерный социум со сложившейся структурой, системой отношений и социальных ролей; 4) систему поведенческих и коммуникативных практик, обеспечивающих выживание в условиях плена и интернирования. Изучение каждого из этих элементов, которые составляют сложную многоуровневую и иерархичную систему, предполагает использование комплекса методов и подходов. В частности, автором использовались институциональный, системный и социокультурный подходы.

С позиций *институционального подхода* военный плен и интернирование рассматриваются как международно-правовой институт, регулирующий обращение с захваченными в ходе вооруженного конфликта представителями противоборствующей стороны. *Системный подход* применяется при анализе структуры, функций и процесса развития системы военного плена и интернирования, а также входивших в нее органов и учреждений. Наконец, предметом изучения *социокультурного подхода* выступают социум и человек в условиях плена и интернирования, а также феномен лагерной культуры.

В главе дается характеристика комплекса используемых источников, которые условно можно разделить на две категории: документы официального и личного происхождения. Особенностью источников официального характера является то, что они появились в результате деятельности государственных структур и отражают, прежде всего, отношение государства к проблеме военного плена и интернирования. К данной группе источников относятся международно-правовые документы, законодательные и нормативные акты высших органов власти советского государства, делопроизводственная документация НКВД-МВД и иных государственных ведомств, периодическая печать, листовки.

¹ Корсаков С.Н. О соотношении комплексного и системного подходов // Человек–наука–гуманизм: к 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова. М., 2009. С. 378–390.

В свою очередь, источники личного происхождения созданы непосредственными участниками событий, с одной стороны, иностранцами, содержащимися в советском плену, с другой – советскими гражданами (военнослужащими и гражданскими лицами), взаимодействовавшими с военнопленными и интернированными. К данной группе документов относятся мемуары, дневники, письма, материалы «устной истории», изобразительные, литературные, музыкальные произведения, созданные в плену. Перечисленные источники дают возможность изучить «антропологическое измерение» плена, а именно поведение человека в лагере, восприятие лагерного мира, специфику лагерной среды. Эти документы раскрывают перед исследователем неисчерпаемое многообразие лагерного опыта, детали повседневной жизни в условиях плена и интернирования, которые отсутствуют в официальных источниках.

Разноплановый характер корпуса источников, наличие значительного количества дублирующих документов, возможность их перепроверки свидетельствуют о достоверности и репрезентативности источниковой базы исследования.

Во второй главе **«Политико-правовое регулирование режима военного плена и интернирования в СССР»** рассмотрены международное и советское законодательство в области военного плена и интернирования, а также проблема их реализации.

Изучение правовой защиты военнопленных и интернированных в исторической ретроспективе демонстрирует длительный и сложный процесс развития норм международного права в отношении жертв войны. Каждая война давала очередной толчок к принятию документов, совершенствующих международно-правовой механизм защиты участников вооруженных конфликтов. Россия являлась активным участником выработки правил и обычаев ведения войны, в том числе в области военного плена.

К началу Второй мировой войны международные стандарты обращения с военнопленными были закреплены в соответствующих Гаагских (1907) и Женевских (1929) конвенциях. Согласно им, государства, находящиеся в состоянии войны, должны обеспечить достойные условия содержания лиц, захваченных в плен, а также реализацию их основных прав: на жизнь, гуманное обращение, получение достаточного питания и необходимой медицинской помощи, общение с родными и близкими посредством переписки, защиту в случае судебного преследования, возвращение на родину после окончания боевых действий, достойное погребение в случае смерти.

Несмотря на существование конвенций, детально регламентировавших режим военного плена, страны-участницы Второй мировой войны допускали нарушения норм международного права. Наиболее ярким примером стало массовое уничтожение советских военнопленных Германией, обусловленное идеологией национал-социализма. Реакцией международного сообщества на факты бесчеловечного отношения к военнопленным и гражданскому населению стало принятие в Женеве 12 августа 1949 г. четырех конвенций о защите жертв международных конфликтов, которые, в отличие от Женевской конвенции от 27 июля 1929 г. о военнопленных, были ратифицированы Советским Союзом.

По мнению диссертанта, с момента создания советского государства для его политики в области военного плена были характерны классовый подход и принцип пролетарского интернационализма. Военнопленные рассматривались, согласно ленинской терминологии, как «бациллы коммунизма», т.е. активные проводники социалистических преобразований в зарубежных странах. Отношение к обезоруженным неприятельским военнослужащим определялось их лояльностью к советской власти: сочувствующие получали льготы и привилегии; занимавшие нейтральную позицию, содержались в лагерях вплоть до окончания боевых действий; антисоветски настроенные лица подвергались репрессиям.

Другой особенностью являлось более гуманное отношение к захваченным иностранным военнослужащим, чем к попавшим в плен соотечественникам. Наиболее полное воплощение данная установка нашла в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г., который, с одной стороны, устанавливал уголовную ответственность за жестокое обращение с военнопленными, с другой стороны, трактовал сдачу в неприятельский плен как тягчайшее преступление.

Следствием классового подхода к проблеме военного плена стало неприсоединение СССР к Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» от 27 июля 1929 г. С целью заполнения правового вакуума были разработаны положения о военнопленных от 19 марта 1931 г., 20 сентября 1939 г., 1 июля 1941 г., которые, в отличие от последней, обеспечивали менее эффективную правовую защиту «узников войны». В дополнение к принятым положениям Наркоматом (Министерством) внутренних дел СССР, к компетенции которого относилось содержание военнопленных, был издан обширный комплекс нормативных документов, имевших закрытый, ведомственный характер. Данные документы, при разработке которых использовался опыт ГУЛАГа, ограничивали права пленных и расширяли полномочия органов НКВД-МВД.

Несмотря на это, советское законодательство ни шло ни в какое сравнение с приказами и директивами нацистского руководства, в которых содержалась установка на уничтожение советских военнопленных по расовым мотивам. Вражеским военнопленным, попавшим в советский плен, гарантировались гуманное обращение, обеспечение жильем и одеждой, питанием и медицинской помощью, денежным довольствием и постельным бельем, возможность переписки и получения посылок из-за рубежа, сохранность личных ценностей и документов и т.п.

Более сложная в правовом отношении ситуация сложилась с лицами, попадающими под категорию «интернированных». В отличие от военнопленных, их правовой статус не был четко прописан как в международном, так и в советском законодательстве. Это позволяло подводить этот термин под самый широкий круг иностранцев, подвергнутых лишению свободы в связи с обстоятельствами военного времени, произвольно устанавливать порядок их содержания и привлечения к труду.

В чрезвычайных условиях военного времени реализация правовых актов, регулирующих режим военного плена и интернирования, представляла большую проблему. Систематический характер носили нарушения правил транс-

портировки, размещения, трудового использования, продовольственного обеспечения, медицинского обслуживания, переписки и судебной практики, учета и погребения умерших военнопленных и интернированных. Попрацию прав иностранцев в советском плену способствовали не только военная разруха и лишения, но и общая атмосфера в СССР, для которой было характерно подчинение личности и общества интересам государства.

Так или иначе, советское государство в годы Второй мировой войны и послевоенный период обеспечило военнопленным и интернированным особый правовой режим. Внешне это выразилось в создании специальных государственных органов и учреждений, невключенных в советскую пенитенциарную систему.

Третья глава «Становление и развитие системы военного плена и интернирования в СССР» раскрывает процесс формирования и функционирования органов и учреждений военного плена и интернирования.

В истории системы УПВ-ГУПВИ диссертант выделяет четыре периода: становления (1939–1941 гг.), эволюции (1941–1945 гг.), функционирования (1945–1950 гг.) и расформирования (1950–1956 гг.).

В первый период происходит образование системы военного плена и интернирования в СССР, вызванное началом Второй мировой войны. В этот период создаются учреждения для приема и содержания военнопленных и интернированных, оформляется законодательство по вопросу их содержания и трудового использования.

В годы Великой Отечественной войны система военного плена и интернирования совершенствуется структурно и организационно. Окончательное оформление она получила в январе 1945 г., что выразилось в создании Главного управления НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных. Одновременно происходит разделение ГУПВИ на три управления: Управление по делам военнопленных, Управление по делам интернированных и мобилизованных, Оперативное управление.

В послевоенный период главными задачами ГУПВИ становятся трудовое использование военнопленных и интернированных, их идеологическая обработка и репатриация. К началу 1950 г. СССР покидает основная масса «узников войны», и в мае 1950 г. советское руководство заявляет о завершении репатриации. В лагерях остаются осужденные военнопленные и интернированные, а также лица, отстраненные от репатриации по политическим и иным соображениям.

Завершающий период деятельности системы военного плена и интернирования характеризуется расформированием лагерной инфраструктуры. Осуществляется передача осужденных военнопленных и интернированных представителям иностранных государств. В апреле 1953 г. УПВИ упраздняется, а оставшиеся лагерные учреждения переходят в ведение Тюремного управления МВД. Последние «узники войны» покидают СССР в декабре 1956 г., что приводит к ликвидации учреждений военного плена и интернирования.

Диссертант приходит к выводу, что на протяжении всего периода существования система УПВ-ГУПВИ тесно взаимодействовала с другими подразделе-

ниями НКВД-МВД, однако наиболее тесная взаимосвязь наблюдалась с системой ГУЛАГа. Фактически органы и учреждения военного плена и интернирования создавались на кадровой и материальной базе ГУЛАГа. Опыт деятельности советской пенитенциарной системы оказал непосредственное влияние на организацию режима, охраны, жизнеобеспечения и трудового использования военнопленных и интернированных.

Тем не менее, система УПВ-ГУПВИ сохраняла свою специфику, обусловленную необходимостью соблюдения (хотя бы формального) международно-правовых норм в отношении «узников войны». Важнейшими ее функциями являлись режимно-ограничительная, производственно-трудовая, лечебно-восстановительная, политико-идеологическая, репрессивно-карательная, репатриационная. В каждый из периодов плена (начальный, военный, послевоенный, постсталинский) спектр этих функций, тесно взаимосвязанных между собой, складывался по-разному. Трудовая эксплуатация военнопленных и интернированных обуславливала необходимость проведения лечебно-восстановительных мероприятий. Политико-идеологическая обработка контингента сопровождалась выявлением и изоляцией враждебного элемента и т.п.

В первый период в деятельности системы военного плена и интернирования превалировали репрессивно-карательные функции. В результате советско-германского «раздела» Польши в советском плену оказались более 250 тыс. польских военнослужащих, в том числе 15 тыс. офицеров и сотрудников правоохранительных органов. Польские военнопленные испытали на себе все проявления сталинского террора: заключение в лагеря и тюрьмы, депортацию членов семей, лишение права переписки, принудительный труд, осуждение во внесудебном порядке, тщательно спланированные и засекреченные массовые расстрельные акции.

В начале Великой Отечественной войны, в связи с незначительной численностью военнопленных, проблема их содержания потеряла актуальность для советского руководства. Однако разгром и пленение 330-тысячной вражеской группировки под Сталинградом во главе с фельдмаршалом Ф. Паулюсом заставили И.В. Сталина и его окружение по-иному взглянуть на этот вопрос. Определяющими были три мотива: во-первых, использовать труд пленных для восстановления народного хозяйства; во-вторых, посредством идеологической обработки превратить их в убежденных противников нацизма и использовать их в борьбе с гитлеровским режимом; в-третьих, выявить и предать суду участников зверств и злодеяний на советской земле. Все это подразумевало курс на сохранение жизни бывших неприятельских военнослужащих, а соответственно создание эффективно функционирующей системы органов и учреждений, способной решать обозначенные выше задачи.

В связи с перечисленными задачами в структуре УПВИ формируются подразделения, ответственные за организацию медицинской помощи, материально-бытового снабжения, политической и оперативной работы, трудового использования. Система УПВИ пополняется новыми типами учреждений: спецгоспиталиями, оздоровительными, режимными и производственными лагерями, антифашистскими школами и специальными объектами. В республиках, краях и об-

ластях создаются территориальные органы, что улучшило контроль за деятельностью лагерей. Реализация этих мероприятий осложнялась ограниченными возможностями разрушенной войной социально-экономической инфраструктуры, которые не позволяли в надлежащей степени организовать быт и снабжение лагерного контингента.

Потребность Советского Союза в трудовых ресурсах привела сталинское руководство в завершающий период войны к идее широкомасштабных «репараций трудом» с территорий государств-противников. Результатом такой политики стало появление в конце 1944 – начале 1945 гг. постановлений Государственного комитета обороны об отправке в СССР немцев трудоспособного возраста. Интернированные немцы («вестарбайтеры») сводились в рабочие батальоны, которые закреплялись за предприятиями различных наркоматов.

В августе 1945 г. в результате советско-японской войны, завершившейся пленением 640 тыс. военнослужащих Квантунской армии, происходит экспансия системы ГУПВИ на территорию Восточной Сибири и Дальнего Востока. Часть контингента ГУПВИ передается в распоряжение Наркомата обороны СССР, лагерных управлений и строителей НКВД.

Массовая репатриация военнопленных и интернированных из СССР, начавшаяся летом 1945 г. и продолжавшаяся с большей или меньшей интенсивностью в послевоенный период, была вызвана комплексом внешнеполитических и внутривнутриполитических причин. Наличие значительного контингента нетрудоспособных «узников войны» существенно увеличивало расходы на их содержание и отрицательным образом сказывалось на результатах экономической деятельности лагерей. С другой стороны, возвращение иностранных граждан на родину диктовалось тяжелой социально-экономической ситуацией в странах Восточной Европы, находившихся в сфере влияния Советского Союза, а также стремлением сталинского руководства оказать поддержку местным коммунистическим партиям. Наконец, в завершающий период Второй мировой войны лагерная система НКВД наполнялась другими категориями спецконтингента – осужденными, репатрированными и депортированными советскими гражданами.

Репатриация сопровождалась расформированием лагерных отделений, управлений лагерей, спецгоспиталей, сокращением штатов, укрупнением и слиянием малочисленных отделений. Темпы расформирования лагерной сети находились в прямой зависимости от динамики репатриации. В 1946 г. было расформировано каждое пятое учреждение, в 1947 г. – каждое четвертое, в 1948 г. – каждое второе. Одновременно со свертыванием органов и учреждений военного плена и интернирования в 1948–1949 гг. создается сеть режимных учреждений для иностранцев, отстраненных от репатриации по политическим или оперативным соображениям. По мере расформирования системы ГУПВИ происходит рост учреждений ГУЛАГА, что позволяет сделать вывод о взаимосвязи этих двух лагерных систем НКВД-МВД.

Оставшиеся в СССР военнопленные и интернированные, большинство из которых были осуждены к лишению свободы, в последние годы существования сталинского режима, по сути, оказались заложниками «холодной войны». Их

возвращение на родину стало возможным только после смерти советского вождя, которая привела сначала к ликвидации УПВИ, а затем последних учреждений для военнопленных и интернированных.

В четвертой главе **«Военнопленные и интернированные: состав, положение, трудовое использование»** исследованы социально-демографические, материально-бытовые и экономические аспекты советского военного плена и интернирования.

Военнопленные и интернированные являлись временной и нестабильной группой спецконтингента. Согласно расчетам диссертанта, среднегодовая численность спецконтингента в СССР в 1940–1956 гг. составляла 4 183 522 чел., в том числе заключенных ИТЛ и ИТК – 1 799 355 (43,0 %), спецпереселенцев – 1 942 077 (46,4 %), военнопленных – 393 875 (9,4 %). На протяжении рассматриваемого периода это соотношение варьировалось. К примеру, в 1939–1943 гг. на долю военнопленных и интернированных приходилось от 1 до 3 % от численности спецконтингента. В завершающий период войны данная пропорция меняется в сторону увеличения, составляя на начало 1945 г. 16,7 %, 1946 г. – 40,3 %, 1947 г. – 32,2 %, 1948 г. – 22,2 %, 1949 г. – 10,9 %. К 1950 г. «узники войны» составляли 1 % спецконтингента, а в 1956 г. – 0,1 %.

Анализ статистики свидетельствует, что смертность в системе ГУПВИ не была постоянной величиной, отражая общее положение в стране и ситуацию в лагерях. В 1940–1946 гг. она превышала смертность в ГУЛАГе, в т. ч. в 1940 г. – в 15 раз, в 1941–1942 гг. – в 1,3 раза, в 1943 г. – в 3,7 раза, в 1944 г. – в 2 раза, в 1945 г. – в 2,8 раза, в 1946 г. – в 2 раза¹. В целом средний процент смертности по ГУПВИ (17,4) в 2,5 раза превысил аналогичный показатель по ГУЛАГу (7,1). Данная ситуация объясняется совокупностью политических, военных и социально-экономических факторов. К примеру, крайне высокий уровень смертности в 1940 г. был вызван расстрелом 15 тыс. польских военнопленных, в 1941–1945 гг. – поступлением с фронтов больных, раненых и пораженных в боях вражеских военнослужащих, а также неудовлетворительными условиями их содержания. Относительно благополучными в отношении смертности для системы ГУПВИ были 1939 и 1947–1950-е гг., когда ее уровень был ниже не только относительно ГУЛАГа, но и в целом населения СССР. Стремительное снижение летальных исходов в эти годы стало следствием планомерной репатриации больных и ослабленных военнопленных, а также улучшением положения в лагерях.

В целом, в 1939–1956 гг. система УПВ-ГУПВИ пропустила через себя 4 868 764 чел., в том числе 4 487 928 иностранных военнослужащих и гражданских лиц и 380 836 советских военнослужащих и гражданских лиц. Из них было освобождено 3 979 584 чел. (81,7 %), умерло – 741 633 чел. (15,2 %), прочее (арестовано, осуждено, переведено в проверочно-фильтрационные лагеря и тюрьмы, бежало и др.) – 147 517 чел. (3,1 %). Особенностью УПВ-ГУПВИ, по сравнению в ГУЛАГом, было абсолютное преобладание, во-первых, иноподданных (92,2 %) над советскими гражданами (7,8 %), во-вторых, военнотру-

¹ При расчетах за основу взято количество умерших к численности контингента.

щих (92,0 %) над гражданскими лицами (8,0 %), в-третьих, мужского контингента (98,0 %) над женским (2,0 %).

По подсчетам диссертанта, из 4 487 928 иностранцев, прошедших через систему УПВ-ГУПВИ, были освобождены и отправлены на родину 3 711 905 чел. (82,7 %), умерли в плену – 739 632 чел. (16,5 %), остались в СССР или пропали без вести – 36 391 чел. (0,8 %). С учетом несанкционированных расстрелов пленных советскими военнослужащими и партизанами (не менее 50 тыс. чел.), гибели от голода и болезней в ходе транспортировки в СССР (не менее 62 тыс. чел.), во время содержания в спецлагерях для интернированных на территории Советской оккупационной зоны в Германии (44 тыс. чел.), а также в процессе репатриации (от 50 до 70 тыс. чел.), совокупная смертность составляет примерно 950 тыс. чел., т.е. 17,3 % от общей численности иностранцев, плененных и интернированных СССР в период Второй мировой войны (5,5 млн чел.).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд принципиальных выводов. Во-первых, абсолютное большинство военнопленных и интернированных (свыше 80 %) были освобождены из советского плена и вернулись на родину. Во-вторых, при фактически одинаковой численности иностранных военнопленных в СССР и советских военнопленных Германии (5,5 и 5,7 млн чел. соответственно) смертность в советском плену (17,3 %) была многократно ниже уровня смертности советских военнослужащих в нацистском плену (58,7 %). Таким образом, советский плен неправомерно отождествлять с нацистской системой уничтожения военнопленных, при том, что уровень смертности в системе ГУПВИ был в 2,5 раза выше, чем в лагерях и колониях ГУЛАГа.

Диссертантом рассмотрены режим содержания и материально-бытовое положение военнопленных и интернированных. Отмечается, что их жизнеобеспечение затруднял природно-географический фактор, а именно континентальный климат с продолжительной, холодной зимой и коротким летом, разнообразие природных ландшафтов – от полярной тундры до безводных пустынь, огромные расстояния и низкая плотность населения. В отличие от исправительно-трудовых лагерей, учреждения военного плена и интернирования практически не создавались на Крайнем Севере СССР (Воркута, Норильск, Колыма), традиционно осваиваемым трудом заключенных. Напротив, концентрация военнопленных и интернированных была максимальной в западных регионах СССР, подвергшихся сильным разрушениям во время боевых действий и оккупации.

Анализ лагерной статистики показывает, что суровые климатические условия негативно отражались на состоянии здоровья и трудоспособности иностранцев, что проявлялось в росте заболеваемости и смертности, а также в снижении производительности труда в зимний период. Адаптация военнопленных и интернированных к природно-климатическим особенностям СССР осложнялась крайне ограниченными материальными ресурсами, которые им могло предоставить разоренное войной советское государство. Разумеется, большинство советских граждан делили вместе с бывшими врагами все трудности военной жизни.

Инфраструктура лагерей ГУПВИ во многом копировала лагеря ГУЛАГа. Места содержания военнопленных и интернированных представляли собой закрытые лагерные зоны, оборудованные по типу пенитенциарных учреждений. Условия содержания также напоминали гулаговские порядки: военнопленные размещались в наспех построенных бараках (нередко палатках или землянках), спали вповалку без постельного белья, регулярно проходили проверки и обыски, принуждались к тяжелому труду, а за нарушения режима подвергались аресту и переводу в штрафные подразделения.

Режим содержания военнопленных ужесточается с началом Великой Отечественной войны, что выразилось в усилении охраны, ограничении переписки, уменьшении нормы питания и увеличении продолжительности рабочего дня. В этот период учреждения военного плена, как и лагеря ГУЛАГа, снабжались по остаточному принципу, что приводило к массовой заболеваемости и смертности. После окончания войны происходит определенное смягчение лагерного режима. Вводятся элементы самоуправления, формируются команды самообороны, разрешается регулярная переписка.

Наиболее сложной проблемой лагерной жизни была организация питания. Сравнительный анализ показывает, что по пищевой ценности и калорийности паек военнопленных был схож с рационом заключенных и, по аналогии с последним, жестко увязывался с выполнением нормы выработки. Размер выделяемых на питание военнопленных и интернированных продовольственных фондов напрямую зависел от общего социально-экономического положения в стране. Значительная часть продуктов не доходила до потребителя в результате хищений на всех уровнях. В условиях продовольственного дефицита НКВД-МВД пытались частично переложить проблемы снабжения контингента на лагерь, что выразилось в создании подсобных хозяйств. В послевоенный период пленные получили возможность за счет своего заработка приобретать дополнительное питание в лагерных ларьках, а также получать с родины продовольственные посылки.

Существенное влияние на физическое состояние военнопленных оказывала их экипировка. Изучение документов показывает, что военнослужащие противника попадали в плен в обмундировании, несоответствовавшем суровым климатическим условиям СССР, в связи с чем на органы военного снабжения и хозяйственные аппараты лагерей ложилась задача по их переэкипировке. Как правило, пленные получали выбракованное и негодное к носке воинское обмундирование, которое подвергалось реставрации в лагерных мастерских.

Деятельность медицинских служб лагерей осуществлялась в крайне тяжелых условиях, вызванных мобилизацией кадров и ресурсов на нужды фронта, а также неудовлетворительным физическим состоянием поступавшего контингента. Заболеваемость среди военнопленных и интернированных, за исключением категории пораженных в боях, была во многом аналогична заключенным исправительно-трудовых лагерей и колоний. Наиболее распространенными болезнями были дистрофия, авитаминозы, пневмония, туберкулез, дизентерия, сыпной и брюшной тиф. За годы пребывания в плену через лагерные лазареты и спецгоспитали прошел почти каждый военнопленный. Медико-санитарное

обслуживание «узников войны» включало профилактические, санитарно-гигиенические мероприятия, хирургическое и терапевтическое лечение. Обеспечение больных и раненых солдат и офицеров противника лечебными процедурами, лекарственными препаратами и питанием в основном осуществлялось по тем же самым нормам, что и военнослужащих Красной армии. В немалой степени это объяснялось необходимостью восстановления их физического состояния для привлечения к труду на предприятиях и стройках СССР, а также стремлением показать преимущества советского строя.

Диссертантом изучены трудовое использование военнопленных и интернированных и их вклад в развитие экономики СССР. В процессе трудового использования выделяются четыре периода: 1939–1941 гг. – ограниченный характер трудового использования «узников войны», отработка механизма привлечения к труду; 1942–1945 гг. – расширение масштабов использования труда обезоруженных солдат противника, закрепление их в качестве рабочей силы за ведущими наркоматами СССР; 1946–1949 гг. – массовое использование труда военнопленных и интернированных, интеграция ГУПВИ в народнохозяйственный комплекс; 1950–1956 гг. – использование труда осужденных иностранцев, расформирование производственного сектора ГУПВИ.

Отмечается, что труд военнопленных и интернированных, как и заключенных ГУЛАГа, был востребован на строительстве промышленных и транспортных объектов, а также восстановлении разрушенной в годы войны инфраструктуры. В отличие от заключенных, большинство пленных трудилось не на объектах НКВД-МВД, а предоставлялось в качестве рабочей силы другим ведомствам на договорных началах.

Иностранная рабочая сила в послевоенный период распределялась следующим образом: топливная и энергетическая промышленность – 26 %, дорожное строительство (железные и шоссейные дороги) – 18 %, строительство и эксплуатация предприятий тяжелой индустрии – 17 %, лесозаготовки и производство стройматериалов – 14 %, гражданское строительство – 12 %, судостроительная промышленность и восстановление морских и речных портов – 5 %, легкая и пищевая промышленность – 4 %, сельское хозяйство – 3 %, изготовление продукции ширпотреба – 1 %¹.

Несмотря на повышение доли военнопленных в общей численности спецконтингента в завершающий период войны, они составляли незначительную часть экономически активного населения страны. Удельный вес пленных в общей численности рабочих и служащих в СССР составлял в 1946 г. – 6,3 %, в 1947 – 4,7 %, в 1948 – 2,5 %, в 1949 – 1,0 %, в 1950 – 0,1 %². Таким образом, бывших неприятельских военнослужащих нельзя назвать главным трудовым ресурсом советской экономики в послевоенный период. Основной объем восстановительных работ был выполнен руками советских граждан.

Анализ показателей производственно-финансовой деятельности лагерей за 1943–1952 гг. свидетельствует о росте эффективности трудового использования

¹ Главное управление по делам военнопленных. С. 533.

² Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР. С. 403.

военнопленных. Если в 1943 г. выход контингента на оплачиваемые работы составлял 40,3 % от списочного состава, то в 1952 г. – 78,9 %, т.е. вырос почти в два раза. Среднедневной заработок за указанный период увеличился с 7,25 до 25,42 руб. на чел., т.е. в 3,5 раза, а покрытие расходов на содержание пленных – с 16,5 до 114,4 %, т.е. в 6,9 раза. Положительная динамика объяснялась не только улучшением условий содержания и трудового использования контингента, но и репатриацией нетрудоспособных лиц на родину в послевоенный период, что благотворно отражалось на самоокупаемости лагерей.

По подсчетам диссертанта, за период пребывания в СССР военнопленные и интернированные отработали свыше 1,2 млрд человеко-дней. Вместе с тем, установка НКВД-МВД на полное возмещение расходов, связанных с содержанием «узников войны», так и не была реализована. Согласно расчетам, за 1942–1956 гг. (данных за 1939–1941 гг. обнаружить не удалось) доходы от работы военнопленных составили 17,2 млрд руб., а расходы на их содержание – 22,6 млрд руб., т.е. были покрыты лишь на 76 %. Еще менее производительным оказался труд интернированных граждан. К началу 1947 г. из 151 рабочего батальона интернированных 108 (71,5 %) являлись нерентабельными и, по сути, рассматривались хозорганами как обуза¹.

И хотя показатели производственной деятельности системы ГУПВИ демонстрируют ее существенный вклад в индустриализацию СССР (общую стоимость выполненных военнопленными работ в строительстве и промышленности руководство ГУПВИ оценило в 50 млрд руб.)², многочисленные факты заставляют критически относиться к таким сугубо статистическим оценкам.

Во-первых, труд военнопленных и интернированных, судя по документам, отличался примитивной организацией и низкой производительностью, уступавшей показателям не только вольнонаемных рабочих, но и заключенных. Основным стимулом к труду являлось дифференцированное питание, в большинстве случаев не покрывавшее энергетических затрат организма. Как правило, высокие показатели производственной деятельности обеспечивались сверхэксплуатацией контингента, что оборачивалось его физическим истощением и потерей трудоспособности. В этом отношении система ГУПВИ, также как и система ГУЛАГа, характеризовалась «расточительностью» человеческих ресурсов.

Во-вторых, при оценке трудовых результатов военнопленных и интернированных необходимо учитывать, что типичной «болезнью» лагерной экономики были приписки, а представители лагерной администрации, как правило, закрывали глаза на подобные факты. Более того, лагерный аппарат был напрямую заинтересован в корректировке цифр, когда это диктовалось необходимостью выполнения плановых показателей. Существовали также «легальные» способы повышения рентабельности лагерей. К примеру, хозорганы рассчитывались за выполненную контингентом работу по нормам и расценкам, установленным для вольнонаемных рабочих, но с начислением дополнительно 25–35 % на покрытие расходов на содержание лагеря. Фактически, как отмечает А.Б. Попов,

¹ Российский государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 1. Л. 45.

² Военнопленные в СССР. С. 720; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные. С. 526.

это была официальная приписка стоимости выполненных работ¹. Таким образом, реальная сумма валового заработка пленных, а соответственно и итоговый объем выполненных ими работ, как минимум, на треть меньше указываемых в отчетах показателей.

В-третьих, значительная часть военнопленных и интернированных использовалась в сфере теневой лагерной экономики, при этом заработанные ими средства шли не в государственный бюджет, а в карман лагерной администрации. Несмотря на строгий официальный запрет, «узники войны» не только сдавались «в аренду» организациям и частным лицам без оформления трудовых договоров, но использовались в личных целях сотрудниками лагерей: строили и ремонтировали дома, работали на огородах, помогали по домашнему хозяйству, шили одежду, изготавливали мебель, посуду, игрушки и другие предметы ширпотреба.

В-четвертых, реальные затраты на содержание военнопленных и интернированных были значительно больше тех, которые указывались в документации НКВД-МВД. Из государственного бюджета финансировались политические, оперативные и судебные органы, осуществлявшие работу с пленными, госпитали Наркомата здравоохранения и Наркомата обороны, фронтовые и территориальные тюрьмы НКГБ-НКВД, конвойные войска и т.п. Внушительные финансовые расходы были сопряжены с репатриацией иностранцев. По данным Управления уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации, за 1945–1951 гг. на организацию возвращения на родину 4 059 786 иностранных граждан (включая представителей союзных держав, освобожденных из германского плена) было израсходовано 2 328 456 200 руб.² Кроме того, к расходной части лагерного бюджета следует отнести премиальное денежное вознаграждение в размере почти 1,5 млрд руб.³, составившее 8,7 % от валовой суммы заработка военнопленных (17,2 млрд руб.) и зачислявшееся на их личные счета.

В-пятых, привлечение к принудительному труду военнопленных и интернированных отрицательно сказывалось на модернизации советской экономики, прочно севшей на «лагерную иглу». В этом ключе справедливым является вывод О.В. Хлевнюка о том, что централизованное распределение спецконтингента оказывало «разлагающее воздействие» на предприятия и ведомства, которые предпочитали решать производственные вопросы не за счет научно-технического прогресса и повышения качества управления, а за счет получения «нарядов» на дополнительную рабочую силу⁴.

Наконец, массовое использование труда военнопленных и интернированных нанесло серьезный удар по престижу Советского Союза на международной арене, во многом обусловив его восприятие как тоталитарного государства, основанного на рабском труде миллионов советских и иностранных граждан, принудительно удерживаемых за колючей проволокой.

¹ Попов А.Б. Пленные большой войны. С. 179, 192.

² Главное управление по делам военнопленных. С. 900.

³ Военнопленные в СССР. С. 1051.

⁴ ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005. С. 85.

Все это позволяет сделать вывод о весьма условной эффективности использования труда «узников войны». Впрочем, главная цель лагерной экономики заключалась не в экономической целесообразности, а в выполнении решений партии и правительства в сжатые сроки «любой ценой». Решение грандиозных сталинских планов индустриализации страны оказалось бы невозможным без привлечения огромных масс спецконтингента, поставщиком которых, наряду с ГУЛАГом, являлся «архипелаг ГУПВИ».

Пятая глава «Пространство лагерного опыта: адаптация, индоктринация, репрессии, коммуникация» посвящена изучению социокультурного и антропологического измерения советского плена и интернирования.

Проведенное исследование позволило выделить четыре стадии в психологическом состоянии военнопленных и интернированных. В основе первой лежал страх перед советским пленом, который ассоциировался с пытками, мучительной смертью, каторжной работой на сибирских рудниках. Пленобязнь, рассматривавшаяся как фактор повышения боеспособности войск, усиленно поддерживалась пропагандой противоборствующих сторон на всем протяжении войны.

Знаковым событием второй стадии являлся шок человека, попавшего в плен. Причина подобного состояния заключалась в сильном психоэмоциональном стрессе, основанном на страхе смерти и тревоге за свою дальнейшую судьбу. Именно на эту стадию плена приходился пик самовольных расправ с пленными, вызванных ожесточением советских солдат по отношению к врагу.

Третья стадия – путь в лагерь, сопряженный с крайним физическим и психическим истощением во время длительных пеших этапов и перевозок в товарных вагонах, демонстративно враждебным отношением со стороны конвоиров и местного населения.

Четвертая стадия – постепенный процесс адаптации к жизни за колючей проволокой. Его также можно условно разделить на четыре фазы. Первая фаза адаптации характеризовалась неприятием ценностей новой среды и ориентации на прежнюю систему ценностей; вторая – терпимостью к новым ценностям и образцам поведения; третья – принятием новых ценностей и норм лагерной среды; четвертая – полным совпадением систем ценностей индивида и лагерного социума. При этом для военнопленных и интернированных был характерен адаптационный конфликт: зачастую внешнее поведение не соответствовало внутренним убеждениям.

Негативно на психическом состоянии военнопленных и интернированных отражались однообразный лагерный быт, изнурительный труд, постоянный голод, отсутствие личного пространства и возможности общения с родными и близкими. Результатом пенитенциарного стресса были апатия, неврозы, потеря интереса к жизни. Способами сохранения личностной идентичности являлись обустройство лагерного быта, лагерное творчество, переписка с родными.

В плену происходило формирование особой системы социальных отношений. Привилегированное положение в лагерях занимал антифашистский актив и обслуживающий персонал. Поведение основной массы военнопленных и интернированных характеризовалось конформизмом и стремлением приспособ-

биться к лагерному быту. Незначительную часть лагерного социума представляли лица, оппозиционно настроенные по отношению к лагерной администрации. Формы сопротивления носили активный (бунт, саботаж, диверсии, побег) и пассивный (голодовка, членовредительство, самоубийство) характер.

Лагерные власти старались размещать контингент по национальному признаку. Сохранение этнической целостности позволяло военнопленным и интернированным сохранять национальную самобытность, поддерживать свои культурные традиции. Вместе с тем, администрация лагерей использовала межнациональные противоречия для управления лагерным социумом, действуя по принципу «разделяй и властвуй».

Диссертантом рассмотрена организация политической работы с военнопленными и интернированными. Отмечается, что идеологическая обработка неприятельских солдат и офицеров в годы Второй мировой войны начиналась еще до их попадания в плен. Пропагандистские мероприятия, проводимые советскими политорганами, получили название спецпропаганды. Ее цель состояла в том, чтобы подорвать боеспособность противника и склонить его к сдаче в плен.

Основная работа по идеологической «перековке» обезоруженных вражеских военнослужащих велась в лагерях. Главная цель политической работы заключалась в перевоспитании военнопленных и превращении их в сознательных и убежденных сторонников советской власти, подготовке из них кадров для переустройства зарубежных стран по советскому образцу.

В начальный период Второй мировой войны усилия советских политорганов были направлены на формирование из финских и польских военнопленных национальных воинских частей, которые должны были сражаться на стороне Красной армии. И в том, и в другом случае работа не увенчалась успехом. Гораздо больших результатов удалось достичь в период Великой Отечественной войны, когда из пленных был сформирован ряд боевых соединений. Создав на своей территории воинские части из уроженцев стран-союзников нацистской Германии, советское руководство не решилось на формирование немецких подразделений, что объяснялось недоверием к командному и рядовому составу гитлеровской армии, находившемуся в плену.

Если в годы Великой Отечественной войны агитация была направлена, в первую очередь, на разоблачение захватнической политики Гитлера и нацистской пропаганды, то в послевоенный период акцент смещается на разъяснение сущности социалистического строя и внешней политики СССР, убеждение в неизбежности гибели капитализма и необходимости встать на сторону «прогрессивных сил, борющихся против мирового империализма». Письма, воззвания и обращения военнопленных с призывом поддержать компартии своих стран являлись средством политического давления на население государств Восточной Европы. С другой стороны, разъяснительная работа способствовала повышению производительности труда по возмещению ущерба, причиненного СССР Германией и ее союзниками.

Формы и методы идеологической обработки военнопленных и интернированных отличались разнообразием и массовостью. Они включали собрания и

митинги, лекции и доклады, прослушивание радиопередач и занятия в лагерных политкружках. Был налажен выпуск газет на немецком, японском, румынском, венгерском и итальянском языках. В каждом лагере был сформирован антифашистский актив, в задачи которого входило не только проведение политической учебы среди пленных, но и помощь лагерному руководству в выполнении административно-хозяйственных задач. Особая роль отводилась антифашистским организациям – Национальному комитету «Свободная Германия» и Союзу немецких офицеров. После окончания войны последние были распущены, а антифашистский актив и органы пропаганды переданы в подчинение ГУПВИ.

В плену происходила массовая демилитаризация и денацификация сознания бывших солдат и офицеров вермахта. Если в первые годы плена фашистские элементы пользовались сильным влиянием в лагерях, то в дальнейшем их влияние было подорвано. Относительный успех идеологической обработки военнопленных достигался за счет высокого авторитета СССР, внесшего решающий вклад в разгром фашизма. Немалую роль также имели экономические успехи Советского Союза, за короткий промежуток времени восстановившего промышленность и социальную сферу. Военнопленные воспринимали это как преимущества социалистической системы.

Воздействие советской пропаганды снижалось из-за несоответствия теории и практики социалистического строительства, когда внедряемая в сознание пленных информация резко контрастировала с непосредственно наблюдаемой ими советской действительностью. Неприятие иностранцев вызывали заявления политработников о превосходстве советского образа жизни над буржуазным, что противоречило их жизненному опыту. Перевоспитанию в духе социализма мешала сама лагерная атмосфера: политические беседы проводились с людьми, лишенными свободы, достаточного питания, находившимися в тяжелых бытовых условиях. Поэтому нередко они приводили к обратному эффекту: пленные придерживались политики внешнего сотрудничества с политорганами и внутренних старых убеждений.

Решение проблемы формирования «нового человека» в условиях лагеря подкреплялось культурно-массовой работой. По аналогии с лагерями ГУЛАГа, последняя организовывалась на основе самодеятельности. Центром организации досуга являлись лагерные клубы. Основными формами культмассовой работы были музыкальные и театральные вечера, киносеансы, спортивные мероприятия, экскурсии. Культурно-массовая работа заполняла досуг военнопленных и интернированных и удовлетворяла их духовные запросы. С другой стороны, она выполняла политическую функцию, способствуя их идеологическому перевоспитанию. Установка на проведение культмассовой работы шла «сверху», из центрального аппарата НКВД-МВД. Именно этим обстоятельством предопределялись показательность и парадность культработы, контрастировавшие с тяжелыми условиями лагерной действительности.

В главе охарактеризованы оперативно-следственные мероприятия и судебное преследование военнопленных и интернированных.

Оперативные аппараты лагерей проводили работу с военнопленными и интернированными разных национальностей, уделяя преимущественное внимание

офицерскому и генеральскому корпусу, а также сотрудникам вражеских спецслужб. За годы существования лагерей был сформирован разветвленный агентурно-осведомительный аппарат, насчитывавший около 60 тыс. секретных сотрудников. На основании агентурных данных оперуполномоченные предупреждали факты симуляции и членовредительства, предотвращали побег и диверсии на производстве, способствовали нейтрализации подпольных групп, возглавляемых профашистски настроенными офицерами, помогали раскрывать преступления, совершенные на территории лагеря и на местах работ.

Помимо формирования лагерной агентуры оперативные аппараты осуществляли подготовку секретных сотрудников для разведывательной работы за рубежом. Наряду с этим проводились контрразведывательные мероприятия по выявлению вражеской агентурной сети. Немаловажное значение в период Великой Отечественной войны имела техническая разведка, а также работа с иностранными специалистами. Обезоруженные солдаты и офицеры вермахта являлись ценным источником информации о планах гитлеровского командования, боеспособности немецких войск, их морально-психологическом состоянии и т.п. Полученная информация докладывалась в Генштаб и использовалась при проведении боевых операций.

В условиях закрытости лагерей на оперативно-чекистские подразделения возлагалась задача по обеспечению надлежащих условий содержания и трудового использования контингента, предотвращению злоупотреблений и правонарушений со стороны лагерного персонала. Эффективность оперативно-следственной работы снижалась из-за недостаточного профессионализма оперативных работников, формального отношения к проведению следственных мероприятий, нехватки квалифицированных переводчиков.

Оперативные аппараты лагерей оказали большую помощь Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию преступлений оккупантов и их пособников. Собранные доказательства, разоблачавшие преступный характер нацизма, легли в основу судебных процессов над военными преступниками. Тяжесть совершенных гитлеровцами военных преступлений привела к беспрецедентному ужесточению норм уголовного права в отношении данной категории лиц.

В конце 1940-х гг. в СССР проходят массовые закрытые судебные процессы над военнопленными. Военные трибуналы рассматривали дела по «упрощенной процедуре»: в присутствии обвиняемого, но без участия обвинителя, адвокатов и без вызова свидетелей в зал суда. Значительная часть «узников войны» была осуждена по обвинению в «контрреволюционных преступлениях», а также по формальным признакам за соучастие в военных преступлениях.

Всего, по подсчетам диссертанта, в 1939–1956 гг. в СССР были осуждены в судебном и внесудебном порядке свыше 53 тыс. военнопленных и интернированных, в т.ч. в 1939–1941 гг. – 15,5 тыс. чел., в 1942–1948 гг. – 10,7 тыс. чел., в 1949–1950-е гг. – 26,9 тыс. чел. Основная масса осужденных была представлена немцами (32,3 тыс. чел.) и поляками (15,5 тыс. чел.). В настоящее время свыше

13 тыс. осужденных военнопленных и интернированных реабилитированы органами военной прокуратуры Российской Федерации¹.

Итоги деятельности оперативных подразделений УПВ-ГУПВИ нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, они выполняли важную задачу по обеспечению стабильного функционирования учреждений, выявляли и устраняли недостатки в деятельности лагерного персонала, предотвращали побег и беспорядки среди военнопленных и интернированных, разоблачали и предавали суду военных преступников. С другой стороны, будучи составным элементом карательно-репрессивного аппарата, оперативно-чекистские подразделения выступали непосредственными организаторами и исполнителями сталинского террора в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц – узников системы ГУПВИ.

В главе исследована проблема межкультурной коммуникации в условиях советского плена и интернирования. Несмотря на лагерный режим и наличие языкового барьера, плен предоставлял широкие возможности для коммуникации между иностранцами с одной стороны, лагерным персоналом и местным населением – с другой. Неформальные взаимоотношения стали важнейшим адаптационным ресурсом, позволявшим смягчить тяготы плена. Общение с гражданскими лицами вне лагеря, по свидетельствам иностранцев, оказывало наибольшее влияние на трансформацию образа русского человека. У многих солдат и офицеров противника именно в плену возникли добрые чувства к советским людям. Военнопленные и интернированные отмечали, что русские в своей человечности значительно отличаются от их политической системы.

Существенным образом изменилось и отношение советского населения к бывшим врагам. В процессе совместной трудовой деятельности между пленными и советскими гражданами возникали доверительные, дружеские отношения. Несмотря на официальный запрет, широкое распространение получили контакты между военнопленными и советскими женщинами. Лица, уличенные в интимных связях, подвергались общественному порицанию, административным взысканиям и судебному преследованию.

Окончание плена и репатриация поставили проблему интеграции бывших узников советских лагерей в послевоенные общества. Сложности адаптации усугублялись массовой безработицей, кризисом институтов брака и семьи, сменой ценностных установок. Успешность реинтеграции репатриантов напрямую зависела от способности государства и общества оказать им социальную и морально-психологическую поддержку. Для защиты своих прав вернувшиеся «узники войны» вступали в общественные объединения, которые занимались не только социальными вопросами, но и политической деятельностью. В частности, ассоциации бывших военнопленных принимали активное участие в антивоенном движении, являлись организаторами различных культурных инициатив. До сих пор в Германии, Японии и других странах живут тысячи бывших военнопленных и интернированных, а поэтому изучение истории со-

¹ Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 3.

ветского плена и интернирования в обозримом будущем по-прежнему будет представлять не только сугубо научный, но и общественный интерес.

В «**Заключении**» обобщены результаты и сформулированы основные выводы диссертации.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что институт военного плена и интернирования в СССР формировался в условиях сложной геополитической реальности и культурно-правового пространства. На его становление оказали негативное влияние кризис международного права в межвоенный период, конфронтация советского государства с внешним миром, опыт гражданской войны и сталинской «модернизации», низкий уровень жизни и правовой культуры советского общества, деятельность правившей коммунистической партии, направленная на решение доктринальных, модернизационных и геополитических задач.

Управление по делам военнопленных НКВД СССР, образованное в начале Второй мировой войны и получившее статус главка к моменту ее окончания, выступало в роли государственного ведомства, ответственного за содержание военнопленных и интернированных иностранных граждан. По своему организационному устройству система военного плена и интернирования во многом копировала систему ГУЛАГа. Схожими были принципы формирования и функционирования лагерной инфраструктуры, организации режима и охраны, материального обеспечения и трудового использования контингента, идеологической обработки и агентурно-оперативного обслуживания.

Учреждения военного плена и интернирования являлись своего рода местами принудительной изоляции иностранцев, выполнявшими функции эксплуатации их труда и политической индоктринации. Многолетнее пребывание в лагерях НКВД-МВД, а также принудительное привлечение к труду, стали своеобразной формой «наказания» для миллионов обезоруженных солдат и офицеров противника. Наравне с ГУЛАГом, «архипелаг ГУПВИ» выступал поставщиком «рабсилы» для выполнения поставленных партийно-государственным аппаратом экономических задач. Механизм привлечения «узников войны» к судебной ответственности во многом соответствовал практике судебного преследования «врагов народа».

Мобилизация и интернирование на принудительные работы в СССР немецкого населения были аналогичны сталинским этническим депортациям. Подобные «репарации трудом» также напоминали практику Третьего Рейха, активно эксплуатировавшего труд миллионов «остарбайтеров». Карательный характер интернирования усугубило то обстоятельство, что более половины вывезенных в СССР гражданских немцев оказались непригодны к физическому труду в силу возраста, пола и состояния здоровья, а наркоматы, использовавшие их труд, не сумели обеспечить их необходимым жильем, питанием и медицинской помощью.

Формально военнопленные и интернированные не считались репрессированными, однако на них распространялись ключевые признаки пенитенциарного контингента: лишение свободы и привлечение к принудительному труду. По сравнению с заключенными и спецпоселенцами, военнопленные представляли

привилегированную группу спецконтингента. Правовой статус пленных, в отличие от узников ГУЛАГа, регулировался нормами международного права, что обязывало советское руководство, если не к их детальному выполнению, то хотя бы к следованию в наиболее принципиальных вопросах. Военнопленные в меньшей степени, чем заключенные, испытывали произвол со стороны лагерного начальства, являясь объектом особой «опеки» со стороны НКВД-МВД. Жизнь военнопленных в лагерях УПВ-ГУПВИ носила более организованный и упорядоченный характер, чем интернированных (мобилизованных) немцев, которые числились на балансе гражданских наркоматов (министерств).

В целом, можно констатировать, что в период Второй мировой войны Советский Союз не сумел полностью реализовать закрепленные в международном и внутреннем праве стандарты обращения с военнопленными. С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что советское государство обеспечило содержание военнопленных и интернированных применительно к социально-экономическим возможностям советского общества. Не отвечавшие требованиям международного и советского права условия жизни в лагерях, во многом были обусловлены чрезвычайными обстоятельствами, разрухой и лишениями военных и послевоенных лет.

Результаты исследования свидетельствуют, что военный плен и интернирование – это сложные и противоречивые социальные явления, для которых характерно переплетение морально-правовых норм, государственных интересов, социальных практик и традиций. К сожалению, в этом конфликте не объектом, а субъектом приоритетов становится человек. Независимо от государственно-национальной принадлежности и институциональных отличий, военный плен и интернирование являются негативным социальным и личностным опытом и приводят к деформации личности и формированию антисоциальных форм поведения.

Только искоренив войну, как средство решения политических, этнических, религиозных и иных конфликтов, человечество способно решить проблему военного плена. Пока же существуют войны, лица, облеченные властью, должны помнить, что главной задачей института военного плена и интернирования является не возмездие и месть, а ограничение насилия. Военнопленный или интернированный – не преступник, а обезоруженный противник, временно находящийся во власти неприятельского государства, поэтому лишение его свободы должно носить предупредительный, а не карательный характер.

**Основные положения диссертации представлены
в следующих публикациях:**

Монографии

1. *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда: Издательство Вологодского института развития образования, 2002. 232 с. (объем – 14,0 п.л., авторский текст – 7,0 п.л.)

2. *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1955). Очерки и документы. Вологда: Издательская фирма «Полиграфист», 2002. 160 с. (9,4/4,7 п.л.)

3. *Кузьминых А.Л.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Вологда: Книжное наследие, 2005. 340 с. (23,0 п.л.)

4. *Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б.* «Теперь я прибыл на край света...»: Т. 1: Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939–1949): очерки и документы. Вологда, 2009. 504 с. (31,5/15,5 п.л.); Т. 2: Иностранцы военнопленные и интернированные, умершие в Вологодской области в 1943–1949 гг. Вологда, 2009. 440 с. (27,5/9,5 п.л.)

5. Органы внутренних дел и исправительно-трудовые учреждения Вологодской области (1937–1953 гг.): неизвестные страницы истории. В 2 ч. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. Ч. 1. 244 с. (14,8/7,4 п.л.); 2012. Ч. 2. Т. 1. 204 с. (12,4/6,2 п.л.), Т. 2. 278 с. (16,2/8,1 п.л.)

6. *Кузьминых А.Л.* Органы и учреждения военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР (1939–1956 гг.). Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. 180 с. (10,4 п.л.)

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах
(в соответствии с перечнем ВАК)

7. *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Рец. на кн.: Букин С.С. В чужой земле: памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944–1948 гг. Новосибирск: Изд-во «Гуманитарные технологии», 2000. 311 с. // Отечественная история. 2003. № 3. С. 166–167. (0,1/0,05 п.л.)

8. *Кузьминых А.Л.* Военнопленные и северяне: становление диалога (1939–1949 гг.) // Отечественная история. 2005. № 2. С. 120–126. (0,5 п.л.)

9. *Кузьминых А.Л.* Немецкие военнопленные в СССР: социально-психологический аспект проблемы // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 168–180. (0,8 п.л.)

10. *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Судьба советских военнопленных в нацистской Германии // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 78–79. (0,2/0,1 п.л.)

11. *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Рец. на кн.: Потыльчак А.В. Советский военный плен и интернирование в Украине (1939–1954 гг.). Киев: Изд-во Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова, 2004. 482 с.; Шарков А.В. Архипелаг ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Беларуси: 1944–1951 гг. Минск: Тесей, 2003. 168 с. // Отечественная история. 2006. № 5. С. 172–175. (0,4/0,2 п.л.)
12. *Кузьминых А.Л.* Медико-санитарное обслуживание военнопленных в лагерях и спецгоспиталях Архангельской и Вологодской областей (1939–1949 гг.) // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2006. № 2 (10). С. 12–20. (0,5 п.л.)
13. *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Рец. на кн.: Суржикова Н.В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2006. 500 с. // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 235–237. (0,2/0,1 п.л.)
14. *Кузьминых А.Л.* Иностранцы военнопленные и советские женщины // Отечественная история. 2008. № 2. С. 114–119. (0,4 п.л.)
15. *Кузьминых А.Л.* Лагерь № 150 // Россия и современный мир. 2008. № 2. С. 221–238. (0,8 п.л.)
16. *Алиев Н.Н., Кузьминых А.Л.* Воспоминания немецких военнопленных Второй мировой войны как исторический источник // Вопросы истории. 2009. № 11. С. 164–170. (0,5/0,25 п.л.)
17. *Кузьминых А.Л., Старостин С.И.* Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника // Российская история. 2010. № 3. С. 48–53. (0,4/0,2 п.л.)
18. *Кузьминых А.Л.* Труд военнопленных в развитии экономики СССР. 1939–1956 гг. // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 129–141. (1,2 п.л.)
19. *Кузьминых А.Л.* Немецкие военнопленные в лагерях УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР (1941–1956 гг.) // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 4. С. 165–168. (0,25 п.л.)
20. *Кузьминых А.Л.* Неизвестные строители Северной Магнитки. Военнопленные на предприятиях и стройках Череповца // Родина. 2011. № 6. С. 45–47. (0,6 п.л.)
21. *Кузьминых А.Л.* Правовое регулирование режима военного плена в СССР в период Второй мировой войны: теория и практика // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 3 (15). С. 82–92. (0,9 п.л.)
22. *Кузьминых А.Л., Медведев С.А.* Эволюция представлений немецких военнопленных о Советской России (1941–1956 гг.) // Россия и современный мир. 2011. № 4 (73). С. 187–201. (1,0/0,5 п.л.)
23. *Кузьминых А.Л.* Развитие системы органов и учреждений военного плена и интернирования в СССР (1939–1956 гг.) // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 5. С. 6–12. (0,5 п.л.)
24. *Кузьминых А.Л.* Советский военный плен и интернирование как историографическая проблема // Российская история. 2012. № 3. С. 158–174. (1,1 п.л.)

25. *Кузьминых А.Л.* Научная школа «Военный плен, интернирование и депортации в годы Второй мировой войны и послевоенный период» // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 1 (17). С. 88–94. (0,46 п.л.)

26. *Кузьминых А.Л.* Военный плен и интернирование Второй мировой войны в СССР // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 2. С. 161–164. (0,3 п.л.)

27. *Кузьминых А.Л.* Корпус источников по истории советского военного плена и интернирования Второй мировой войны // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 113–128. (0,9 п.л.)

28. *Кузьминых А.Л.* Международное право и «узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 4 (20). С. 77–80 (0,36 п.л.); 2013. № 1 (21). С. 77–83 (0,64 п.л.)

29. *Кузьминых А.Л.* «Страна вечного холода, медведей и тьмы». Влияние климатического фактора на немецких военнопленных на фронте и в советском плену // Родина. 2013. № 2. С. 147–150. (0,6 п.л.)

30. *Кузьминых А.Л.* Военный плен и интернирование в СССР в начале Второй мировой войны // Вопросы истории. 2013. № 3. С. 98–108. (0,75 п.л.)

31. *Кузьминых А.Л.* Система военного плена и интернирования в СССР (1939–1956 гг.): особенности формирования и функционирования // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2013. № 2. С. 144–145. (0,1 п.л.)

32. *Кузьминых А.Л.* Организация охраны военнопленных и интернированных в лагерях НКВД-МВД СССР // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 2 (22). С. 82–89. (0,62 п.л.)

33. *Кузьминых А.Л.* Органы и учреждения военного плена и интернирования в СССР в 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2013. № 10. С. 32–39. (1,0 п.л.)

34. *Кузьминых А.Л.* Политическая работа с военнопленными Второй мировой войны в СССР // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 156–158. (0,2 п.л.)

35. *Кузьминых А.Л.* Рецензия на монографию Л.И. Вавулинской «Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг.» // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 2 (26). С. 99–101. (0,25 п.л.)

Другие научные публикации

36. *Кузьминых А.Л.* Историография вопроса о медицинском обеспечении иностранных военнопленных в СССР // Традиции в контексте русской культуры: межвузовский сборник научных работ. Вып. VIII. Череповец: ЧГУ, 2001. С. 330–336. (0,3 п.л.)

37. *Кузьминых А.Л., Старостин С.И.* К вопросу о пребывании военнопленных и интернированных поляков в Грязовецком лагере НКВД // Историческое краеведение и архивы: материалы научно-практических конференций (Вологда, 16 марта 2000 г., 14 марта 2001 г.). Вып. 8. Вологда, 2002. С. 155–167. (0,5/0,25 п.л.)

38. *Кузьминых А.Л.* Из истории становления и деятельности Вологодского отдела по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР: 1945–1949 гг. // История и перспективы уголовно-исправительной системы России: сборник материалов научно-практического семинара. Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2002. С. 123–132. (0,5 п.л.)

39. *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Польские военнопленные в Грязовецком лагере НКВД (1939–1941 гг.): исторический очерк, документы и материалы. Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2002. 88 с. (5,4/2,7 п.л.)

40. *Кузьминых А.Л.* Вологжане в воспоминаниях иностранных военнопленных // Вологодская область в годы Великой Отечественной войны: уроки прошлого и опыт настоящего: сборник материалов научно-практического семинара / под ред. В.Б. Конасова. Вологда: Издательство Вологодского института развития образования, 2002. С. 47–55. (0,3 п.л.)

41. *Кузьминых А.Л.* Россия и лагерный мир глазами иностранцев // Шаламовский сборник. Вып. 3. Вологда: Издательство «Грифон», 2002. С. 189–205. (0,7 п.л.)

42. *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* В плену Страны советов: военнопленные и интернированные поляки в Грязовецком лагере НКВД (1939–1941 гг.) // Новый Часовой: русский военно-исторический журнал. 2002. № 13–14. С. 55–79. (1,3/0,65 п.л.)

43. *Кузьминых А.Л.* Советское законодательство по вопросу обращения с иностранными военнопленными в годы Второй мировой войны // Вузовская наука – региону: материалы Первой общероссийской научной конференции. Вологда: ВоГТУ, 2003. С. 636–639. (0,2 п.л.)

44. *Кузьминых А.Л.* Сельскохозяйственное производство в лагерях военнопленных: 1940–1948 гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей) // Крестьянство и власть на Европейском Севере России: материалы научной конференции (г. Вологда, 6–7 февраля 2003 г.). Вологда, 2003. С. 165–175. (0,6 п.л.)

45. *Кузьминых А.Л.* К истории отдела по делам военнопленных и интернированных УНКВД-УМВД по Вологодской области (1945–1949 гг.) // Историческое краеведение и архивы: сборник статей. Вып. 9. Вологда, 2003. С. 93–102. (0,4 п.л.)

46. *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Особенности антифашистской работы в лагерях военнопленных Европейского Севера: 1941–1949 гг. // Борьба антифашистских организаций против нацизма в период Второй мировой войны: история и современность: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР (Красногорск-Москва, 8–9 октября 2003 г.). М.: Издательство «Рейтгарь», 2003. С. 90–102. (0,6/0,3 п.л.)

47. *Kuz'minych A.L.* Die gerichtliche Verfolgung ausländischer Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges im europäischen Norden der UdSSR // Sommerschule der Stipendiatinnen der Heinrich-Böll-Stiftung. Moskau, 2004. S. 31–33. (0,2 п.л.)

48. *Кузьминых А.Л.* Документы государственных и ведомственных архивов Вологодской и Архангельской областей как источник по проблеме иностранных военнопленных Второй мировой войны // Историческое краеведение и архивы: материалы межрегиональной научной конференции. Вып. 10. Вологда, 2004. С. 197–203. (0,3 п.л.)

49. *Кузьминых А.Л.* Привлечение к судебной ответственности иностранных военнопленных на Европейском Севере СССР (1945–1949 гг.) // Вузовская наука – региону: материалы Второй всероссийской научной конференции. Вологда: ВоГТУ, 2004. С. 369–371. (0,2 п.л.)

50. *Кузьминых А.Л.* Оперативно-следственная работа с иностранными военнопленными в лагерях Европейского Севера (1939–1949 гг.) // Уголовное наказание: правовая идеология, законотворчество и пенитенциарная практика: материалы международной научно-практической конференции. В 2-х ч. Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2004. Ч. 2. С. 227–238. (0,5 п.л.)

51. *Кузьминых А.Л.* Из истории Вытегорского лагеря МВД № 211 (1948–1949 гг.) // Вытегра: краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Издательство «Русь», 2005. С. 63–88. (1,0 п.л.)

52. *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Правовые аспекты положения иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР // Европа во Второй мировой войне: история, уроки, современность. Материалы международной научно-теоретической конференции (Витебск, 5–6 мая 2005 г.). Витебск: Издательство Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, 2005. С. 223–225. (0,2/0,1 п.л.)

53. *Кузьминых А.Л.* Формирование системы лагерей военнопленных на Европейском Севере СССР в 1939–1941 гг. // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса. Материалы научной конференции (Вологда, 5–6 февраля 2004 г.). Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2005. С. 211–218. (0,4 п.л.)

54. *Кузьминых А.Л.* Теория и практика судебного преследования иностранных военнопленных Второй мировой войны (по материалам Архангельской и Вологодской областей) // Уголовное наказание в России и за рубежом: теория и практика: сборник материалов научно-практической конференции (Вологда, 7 декабря 2004 г.). В 3-х ч. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2005. Ч. 2. С. 84–102. (0,6 п.л.)

55. *Кузьминых А.Л.* Учреждения для содержания военнопленных на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны // Преступление и наказание. 2005. № 7. С. 28–30. (0,3 п.л.)

56. *Кузьминых А.Л.* Судьба кладбищ иностранных военнопленных Второй мировой войны на территории Архангельской и Вологодской областей // Традиции в контексте русской культуры. Вып. XII: межвузовский сборник научных работ. Череповец: ЧГУ, 2005. С. 213–224. (0,5 п.л.)

57. *Кузьминых А.Л.* Трудовое использование и вклад военнопленных в развитие экономики Европейского Севера СССР: 1939–1949 гг. // Историческое краеведение и архивы: материалы областной научной конференции. Вып. 12. В 2-х ч. Вологда, 2005. Ч. 1. С. 121–149. (1,2 п.л.)

58. *Кузьминых А.Л., Старостин С.И.* Польские военнопленные и спецпереселенцы в Вологодской области (1939–1941 гг.) // Россия–Польша: филологический и культурно-исторический дискурс: сборник статей участников международной научной конференции (Магнитогорск, 18–19 ноября 2005 г.). Магнитогорск: МаГУ, 2005. С. 104–111. (0,3/0,15 п.л.)

59. *Кузьминых А.Л.* Формирование системы лагерей и спецгоспиталей для военнопленных на Европейском Севере СССР в годы Великой Отечественной войны // Исправительные учреждения Европейского Севера России накануне и в годы Великой Отечественной войны: сборник материалов научно-практического семинара / под ред. А.Л. Кузьминых, А.Р. Павлушкова. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2005. С. 44–56. (0,6 п.л.)

60. *Кузьминых А.Л.* Иностранцы военнопленные в лагерях Европейского Севера СССР: социально-психологический аспект проблемы // 1941–1945: Уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма: материалы межрегиональной научно-практической конференции (Вологда, 24–25 февраля 2005 г.). Вологда: Издательство «Русь», 2006. С. 113–124. (0,6 п.л.)

61. *Кузьминых А.Л.* Организация переписки в лагерях военнопленных Европейского Севера СССР: 1939–1949 гг. // История России XIX–XX вв.: историография, новые источники. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2005. С. 218–223. (0,2 п.л.)

62. *Кузьминых А.Л.* Особенности пребывания иностранных военнопленных на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.) // Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Немецкие военнопленные в СССР. Материалы международного научного семинара (Вологда, 17–18 октября 2005 г.). Вологда, 2006. С. 9–14. (0,6 п.л.)

63. *Кузьминых А.Л.* Организация продовольственного и вещевого снабжения иностранных военнопленных в лагерях Европейского Севера СССР: 1939–1949 гг. // Рюрик: исторические статьи и публикации. Орел: Издательский дом «Орлик», 2006. С. 145–163. (0,8 п.л.)

64. *Кузьминых А.Л.* Из истории спецгоспиталя № 3732 // История и современность пенитенциарной системы России: материалы международной научно-практической конференции (Псков, 18 мая 2006 г.) Псков: Псковский юридический институт, 2006. С. 212–218. (0,3 п.л.)

65. *Кузьминых А.Л.* Борьба с хищениями в лагерях НКВД-МВД для военнопленных в 1940-е гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей) // Актуальные проблемы управления и экономики: история и современность: материалы научной конференции (г. Вологда, 31 марта – 1 апреля 2006 г.). Вологда: Издательство «Легия», 2006. С. 254–262. (0,4 п.л.)

66. *Кузьминых А.Л.* Организация режима и охраны военнопленных в лагерях Европейского Севера СССР (на материалах Архангельской и Вологодской

областей) // Политические репрессии в Коми и на Севере России: организаторы и жертвы. Материалы региональной научной конференции (Сыктывкар, 28–29 октября 2005 г.). Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2006. С. 62–67. (0,4 п.л.)

67. *Кузьминых А.Л.* Военнопленные и вологжане: гендерный аспект взаимоотношений // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы: материалы научной конференции. В 2-х ч. Вологда–Молочное: Издательский центр Вологодской государственной молочно-хозяйственной академии, 2006. Ч. 2. С. 98–104. (0,3 п.л.)

68. *Кузьминых А.Л.* Репатриация военнопленных из лагерей Европейского Севера СССР и их социальная адаптация на родине // Традиции в контексте русской культуры: межвузовский сборник научных работ. Вып. XIII. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2006. С. 168–182. (0,6 п.л.)

69. *Кузьминых А.Л., Старостин С.И.* Оперативно-следственная работа с иностранными военнопленными в лагерях Европейского Севера СССР. 1939–1949 гг. // Новый Часовой: русский военно-исторический журнал. 2006. № 17–18. С. 139–158. (1,1/0,6 п.л.)

70. *Кузьминых А.Л.* Лагеря и спецгоспитали для военнопленных и интернированных на территории Вологодской области: 1939–1949 гг. // История пенитенциарных учреждений Вологодского края: сборник материалов научно-практического семинара. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2006. С. 74–94. (1,0 п.л.)

71. *Кузьминых А.Л.* Краткая история лагеря НКВД-МВД № 193 // История пенитенциарных учреждений Вологодского края: сборник материалов научно-практического семинара. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2006. С. 95–127. (1,6 п.л.)

72. *Кузьминых А.Л., Мельник Т.Ф.* Лагерь ГУПВИ на берегу Белого моря // История пенитенциарной системы России в XX веке: сборник материалов международного научного семинара. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2007. С. 73–88. (0,8/0,4 п.л.)

73. *Кузьминых А.Л.* Захоронения иностранных военнопленных Второй мировой войны на Европейском Севере России: проблемы сохранения и благоустройства // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / гл. ред. Г.В. Судаков; сост. С.А. Тихомиров. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 288–298. (0,5 п.л.)

74. *Кузьминых А.Л.* Политическая работа с военнопленными в лагерях НКВД-МВД (на материалах Архангельской и Вологодской областей) // Социальная работа в свете новых Европейских пенитенциарных правил: теория и практика: сборник материалов международной научно-практической конференции (Вологда, 23–24 апреля 2007 г.). Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2007. С. 168–175. (0,3 п.л.)

75. *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Польские военнопленные в лагерях Европейского Севера СССР: 1939–1941 гг. // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. К., 2006. Вип. 10. Ч. 1. С. 246–255. (0,5/0,25 п.л.)

76. *Кузьминых А.Л.* Нормативно-правовое регулирование режима военного плена: опыт ретроспективного анализа // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2007. № 1. С. 78–84. (0,7 п.л.)

77. *Кузьминых А.Л.* Советская спецпропаганда в годы Второй мировой войны и ее особенности на северном участке фронта // Сборник научных трудов: материалы научно-технической конференции (17–20 апреля 2007 г.). В 2-х ч. / под ред. Н.Д. Цхадая. Ухта: УГТУ, 2008. Ч. 2. С. 307–313. (0,4 п.л.)

78. *Кузьминых А.Л.* Военнопленные в Вожегодском районе: 1941–1948 гг. // Вожега: краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 33–58. (1,0 п.л.)

79. *Кузьминых А.Л.* Подсобные хозяйства в системе НКВД-МВД СССР в 1940-е гг. (на материалах Вологодской области) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений (Вологда, 23–26 сентября 2008 г.). М., 2008. С. 166–167. (0,1 п.л.)

80. *Кузьминых А.Л.* Организация культурно-массовой работы в лагерях НКВД-МВД для военнопленных (на материалах Архангельской и Вологодской областей) // Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с общественностью в нравственно-эстетическом воспитании осужденных: сборник материалов межрегионального научно-практического семинара. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2008. С. 11–16. (0,3 п.л.)

81. *Кузьминых А.Л.* Влияние климатического фактора на положение иностранных военнопленных в лагерях Европейского Севера СССР // Сборник научных трудов: материалы научно-технической конференции (15–18 апреля 2008 г.) / под ред. Н.Д. Цхадая. В 2-х ч. Ухта: Ухтинский государственный технический университет, 2008. Ч. 2. С. 376–382. (0,4 п.л.)

82. *Кузьминых А.Л., Старостин С.И.* Специальные лагеря НКВД СССР на территории Вологодской области (1942–1943 гг.) // История отечественной уголовно-исполнительной системы: сборник научных статей. М.: Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2008. С. 69–78. (0,5/0,25 п.л.)

83. *Кузьминых А.Л.* «Кладбища ... оставьте в прежнем состоянии»: иностранные воинские захоронения в Архангельской и Вологодской областях // ВоенКом: военно-исторический альманах. Екатеринбург: издательство Гуманитарного университета, 2008. № 1 (8). С. 238–246. (0,5 п.л.)

84. *Кузьминых А.Л.* Кадровый состав учреждений НКВД-МВД СССР для содержания военнопленных и интернированных (на материалах Вологодской области) // Территориальные органы управления уголовно-исполнительной системы: опыт формирования и функционирования (XIX–XX вв.): сборник материалов научно-практического семинара (Вологда, 9 апреля 2008 г.) / отв. ред. и сост. А.Л. Кузьминых. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. С. 90–121. (1,1 п.л.)

85. *Кузьминых А.Л.* Особенности правового положения военнопленных в СССР в годы Второй мировой войны // Сторінки війської історії України: Зб.

наук. статей / НАН України; Ін-т історії України. К., 2009. Вип. 12. С. 267–278. (1,2 п.л.)

86. *Кузьминых А.Л.* Вермахт в Вологде // Преступление и наказание. 2009. № 12. С. 28–29 (0,2 п.л.).

87. *Кузьминых А.Л.* Кадры «Архипелага ГУПВИ»: региональный аспект // Управление и экономика: опыт, теория, практика: материалы научно-практической конференции (Вологда, 10–11 апреля 2009 г.). Вологда: Легия, 2009. С. 158–167. (0,5 п.л.)

88. *Кузьминых А.Л., Мельник Т.Ф.* Военнопленные в Молотовске: 1944–1948 годы // Поморский летописец: альманах. Вып. 2 / сост. В.А. Волынская; под ред. В.Н. Булатова. Архангельск: Поморский университет, 2009. С. 267–287. (1,2/0,6 п.л.)

89. *Кузьминых А.Л.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР: историографический аспект проблемы // СССР, его союзники и противники во Второй мировой войне: политический дискурс, историографические дискуссии, проблемы преподавания. Материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (21–22 апреля 2010 г.). М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2010. С. 230–237. (0,2 п.л.)

90. *Кузьминых А.Л.* Использование труда военнопленных в народном хозяйстве СССР в 1939–1956 гг. // Уголовно-исполнительная система в условиях модернизации России во второй половине XIX – начале XXI веков: сборник материалов научно-практического семинара (Вологда, 17 апреля 2009 г.) / отв. ред. и сост. А.Л. Кузьминых. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2010. С. 59–87. (1,2 п.л.)

91. *Кузьминых А.Л.* Особенности формирования инфраструктуры лагерей для военнопленных на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.) // Вестник Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний: научный журнал. Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2010. № 1(2). С. 20–23. (0,5 п.л.)

92. *Кузьминых А.Л.* Война и ГУЛАГ // История в подробностях. 2010. № 1. С. 65–79. (1,0 п.л.)

93. *Кузьминых А.Л.* История военного плена Второй мировой войны в СССР: этапы, проблемы и перспективы изучения // Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова: сборник статей / под ред. В.В. Попова; сост. А.Л. Кузьминых. Вологда: Граффити, 2010. С. 202–222. (1,0 п.л.)

94. *Кузьминых А.Л.* Изучение истории военного плена вологодскими учеными // Политические повороты в советско-германской истории: 1949–1989: Поиски. Надежды. Свершения: материалы международного научного семинара (Вологда, 6–7 октября 2009 г.) / отв. ред. Б.В. Петелин; сост. Э. Бауэр, Б.В. Петелин. Вологда: Граффити, 2010. С. 198–213. (0,6 п.л.)

95. *Кузьминых А.Л.* Система ГУПВИ НКВД-МВД СССР: генезис, эволюция, распад (1939–1953 гг.) // Управление и экономика: опыт, традиции, инновации. Материалы научно-практической конференции (г. Вологда, 9–10 апреля 2010 г.). Вологда: Легия, 2010. С. 178–191. (0,75 п.л.)

96. *Кузьминых А.Л.* Роль труда военнопленных в восстановлении и развитии экономики и социальной инфраструктуры Европейского Севера СССР в 1940-е гг. // Сборник научных трудов. Материалы научно-технической конференции (13–15 апреля 2010 г.) / под ред. Н.Д. Цхадая. В 3-х ч. Ухта: УГТУ, 2010. Ч. 3. С. 105–109 (0,25 п.л.)

97. *Кузьминых А.Л.* Межнациональные отношения в лагерях военнопленных Европейского Севера СССР // Межнациональные отношения на Европейском Севере: история и современное состояние. Материалы Всероссийской научной конференции. Сыктывкар, 2010. С. 90–93. (0,2 п.л.)

98. *Кузьминых А.Л.* Военнопленные Второй мировой войны в СССР: опыт историографического осмысления // Посев: общественно-политический журнал. М., 2010. № 8. С. 28–36. (0,58 п.л.)

99. *Кузьминых А.Л.* Проблема рентабельности лагерей НКВД-МВД для военнопленных и интернированных (на материалах Архангельской и Вологодской областей) // Управление и экономика в условиях модернизации: история и современность. Материалы научно-практической конференции (г. Вологда, 8 апреля 2011 г.). Вологда: Легия, 2011. С. 255–265. (0,5 п.л.)

100. *Кузьминых А.Л.* Организация лечебного дела в спецгоспиталях для военнопленных Вологодской области (1944–1949 гг.) // Идет война народная: материалы Всероссийской научной конференции «СССР во Второй мировой и Великой Отечественной войнах. 1939–1945 гг.», посвященной 70-летию начала Великой Отечественной войны и Московской битве. Красноярск: СибГТУ, 2011. С. 94–102. (0,5 п.л.)

101. *Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б.* Иностранные военнопленные и интернированные, умершие в Вологодской области в 1943–1949 гг.: опыт составления и анализа региональной базы данных // Историческое краеведение и архивы: материалы областной научно-практической конференции. Вологда, 2011. Вып. 18. С. 226–232. (0,3/0,2 п.л.)

102. *Кузьминых А.Л.* История военного плена: институциональный подход // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 7–8 февраля 2012 г.). Ч. 1. История идей и история общества. Отечественная история / отв. ред. А.В. Коричко, В.Н. Ерохин, Я.Г. Солодкин. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2012. С. 421–424. (0,2 п.л.)

103. *Кузьминых А.Л.* Образ советского плена Второй мировой войны в литературе и искусстве // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: к 70-летию начала Великой Отечественной войны: материалы VII Международной научной конференции (6–7 ноября 2011 г.). Краснодар: Экоинвест, 2012. С. 113–117. (0,25 п.л.)

104. *Кузьминых А.Л.* Деятельность медицинских служб в лагерях военнопленных Архангельской и Вологодской областей в 1939–1949 гг. // Актуальные проблемы гуманитарного познания: сборник научных трудов кафедры философии и истории и кафедры русского и иностранных языков. Вып. 6. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. С. 22–59. (1,7 п.л.)

105. *Кузьминых А.Л.* Система органов и учреждений военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР (к постановке проблемы) // Реформирование пенитенциарных учреждений и актуальные вопросы ресоциализации осужденных: сборник материалов международной научно-практической конференции (Вологда, 24–25 ноября 2011 г.). В 2-х ч. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. Ч. 2. С. 66–72. (0,37 п.л.)

106. *Кузьминых А.Л.* Источники личного происхождения по истории советского плена и интернирования Второй мировой войны // Актуальные проблемы гуманитарного познания: сборник научных трудов кафедры философии и истории и кафедры русского и иностранных языков. Вып. 7. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. С. 40–45. (0,25 п.л.)

107. *Кузьминых А.Л.* Политика Советского государства в области военного плена в период гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1922 гг.) // Управление и экономика в условиях модернизации: опыт и перспективы. Материалы научно-практической конференции (г. Вологда, 6 апреля 2012 г.). Вологда: Легия, 2012. С. 273–291. (0,83 п.л.)

108. *Кузьминых А.Л.* Военнопленные немцы в советских госпиталях (на примере спецгоспиталя № 3337) // Немцы в России: взгляд из провинции. Сборник материалов II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Киров, 28 апреля 2012 г.). Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. С. 59–64. (0,4 п.л.)

109. *Кузьминых А.Л.* Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере России // ГУЛАГ на Севере России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (27–28 октября 2009 г., г. Ухта). Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2011. Ч. 2. С. 3–8. (0,5 п.л.)

110. *Кузьминых А.Л.* Эволюция системы органов и учреждений военного плена и интернирования в СССР в годы Великой Отечественной войны // Россия и Германия: события, образы, люди: сборник российско-германских исследований. Вып. 9 / под ред. С.В. Крестина. Воронеж: «Истоки», 2012. С. 17–53. (1,3 п.л.)

111. *Кузьминых А.Л.* Захоронения военнопленных и интернированных Второй мировой войны: региональный аспект // История и перспективы развития северных регионов: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность. Материалы I Международной научной конференции (г. Сыктывкар, 25–29 октября 2011 г.). Сыктывкар, 2011. Ч. 2. С. 156–159. (0,5 п.л.)

112. *Кузьминых А.Л.* Организация труда военнопленных в лагерях НКВД-МВД на Европейском Севере СССР // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов II Всероссийской научной конференции / под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Боканова. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 561–570. (0,75 п.л.)

113. *Кузьминых А.Л.* Уголовно-исполнительная система и репрессивная политика советского государства в эпоху сталинизма: сравнительный анализ отечественной и зарубежной историографии // Отражение деятельности уголовно-исполнительной системы в средствах массовой информации и общест-

венном сознании: сборник материалов круглого стола / отв. ред. А.Е. Творогов. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. С. 34–73. (1,6 п.л.)

114. *Кузьминых А.Л.* Особенности формирования и функционирования системы органов и учреждений военного плена и интернирования в Архангельской области (1944–1948 гг.) // Исторический ежегодник. 2012. Сборник научных трудов / Институт истории Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 265–288. (1,25 п.л.)

115. *Кузьминых А.Л.* Историки ФРГ о судьбах военнопленных и интернированных в СССР // Россия и Германия в новой Европе: конец XX – начало XXI вв.: материалы международной конференции / сост. Б.В. Петелин, Т. Шнайдер. Череповец: ЧГУ, 2012. С. 55–62. (0,75 п.л.)

116. *Кузьминых А.Л.* Трансформация образа советского плена в художественной литературе, изобразительном искусстве и кинематографе // Россия и Германия: взаимодействие языков и культур. Материалы международной научно-методической конференции (25–26 апреля 2013 г.) / под ред. Г.Н. Чиршевой. Череповец: ЧГУ, 2013. С. 128–135. (0,3 п.л.)

117. *Кузьминых А.Л.* Развитие системы военного плена и интернирования в СССР (1939–1956 гг.) // Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников Третьей международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2013» / отв. ред. С.А. Котов. М.: РОССПЭН, 2013. С. 248–251. (0,2 п.л.)

118. *Кузьминых А.Л.* Организация вещевого снабжения иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР // Управление и экономика в условиях модернизации: проблемы и пути их решения. Материалы научно-практической конференции (г. Вологда, 12 апреля 2013 г.). Вологда: Легия, 2013. С. 255–266. (0,5 п.л.)

119. *Кузьминых А.Л.* Изучение истории советского плена Второй мировой войны: социокультурный подход // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Нижевартовск, 8 февраля 2013 г.) / отв. ред. А.В. Коричко. Ч. 2: История идей и история общества. Теория истории, историографии, методология исторического исследования. Проблемы отечественной истории. Нижевартовск: Издательство Нижеварт. гос. ун-та, 2013. С. 134–138. (0,5 п.л.)

120. *Кузьминых А.Л.* Военнопленные и интернированные Второй мировой войны в СССР: социально-демографический аспект // Исторический ежегодник. 2013. Сборник научных трудов / Институт истории Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 98–119. (1,0 п.л.)

121. *Кузьминых А.Л.* Становление советского законодательства в области военного плена // Военно-юридический журнал. 2013. № 10. С. 25–30 (0,5 п.л.)

122. *Кузьминых А.Л.* Борьба с побегами военнопленных и интернированных в лагерях НКВД-МВД (1939–1956 гг.) // Уголовная и уголовно-исполнительная политика в России и за рубежом: состояние, тенденции и проблемы совершенствования. Сборник материалов международной научно-

практической конференции (г. Вологда, 28–29 ноября 2013 г.). Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. С. 79–87. (0,3 п.л.)

123. *Кузьминых А.Л.* Смертность военнопленных и интернированных в лагерях и спецгоспиталях Вологодской области в 1943–1949 гг. // Историческая демография: научный журнал. 2013. № 1 (11). С. 119–120. (0,2 п.л.)

124. *Кузьминых А.Л.* Судебное преследование иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства: материалы VIII международной научной конференции (г. Краснодар, 2–3 ноября 2013 г.). Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 246–258. (0,8 п.л.)

125. *Кузьминых А.Л.* Содержание осужденных военнопленных и интернированных иностранных граждан в учреждениях МВД СССР (1950–1956 годы) // Ведомости уголовно-исполнительной системы: информационно-аналитический журнал. 2014. № 2 (141). С. 23–29. (0,5 п.л.)